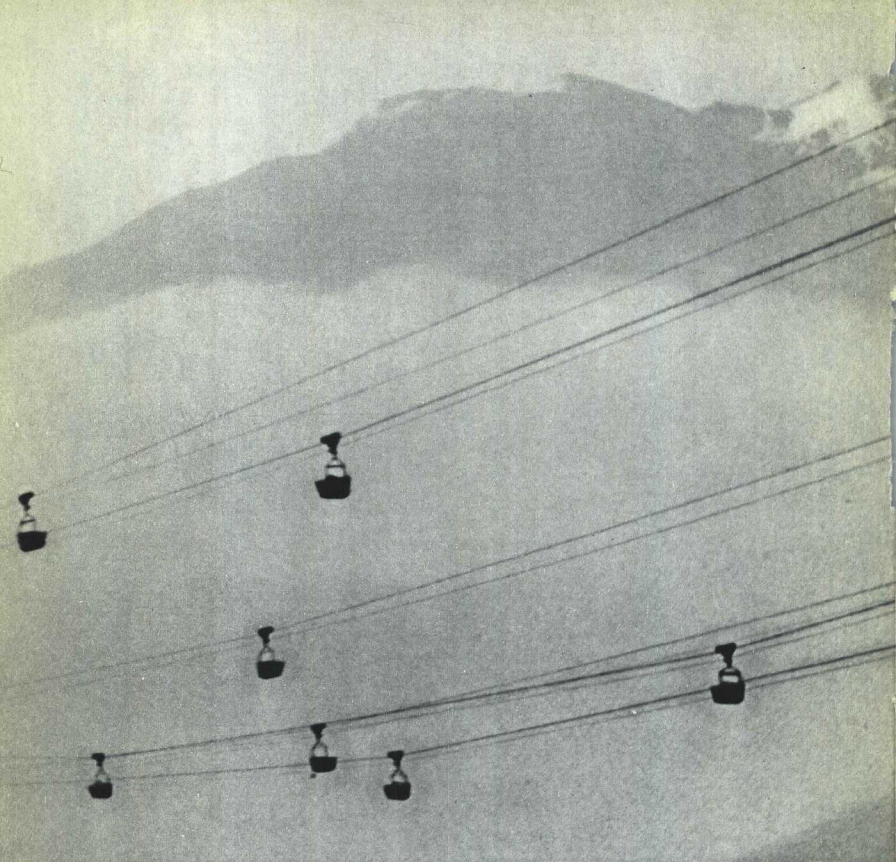

№ 13 [1939] июль 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СМЕНА

17 мая, в день открытия XV съезда ВЛКСМ, в город Тырныауз пришло волнующее известие: Указом Президиума Верховного Совета СССР здешний вольфрам-молибденовый комбинат за успешное выполнение заданий семилетнего плана по добыче и переработке руды и достижение высоких технико-экономических показателей награжден орденом Трудового Красного Знамени. Наши корреспонденты находились тогда в городе горняков, были на митинге, посвященном знаменательному событию. Бригадир коллектива коммунистического труда Виктор Диденко, выступая на митинге, сказал:

— Даем слово множить славные шахтерские традиции, приложим все силы и знания, чтобы успешно выполнять задания новой пятилетки, принятые на XXIII съезде КПСС.

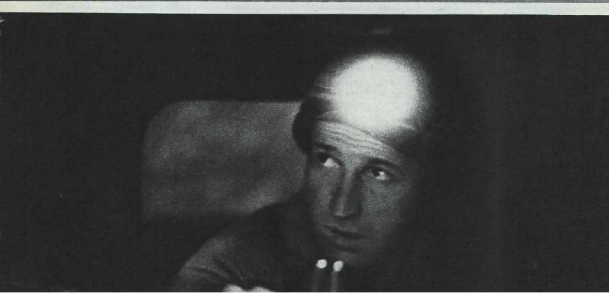
Фоторепортажем о тырныаузских шахтерах-высотниках «Смена» начинает серию корреспонденций под новой рубрикой —

Текст К. САРАНЧИНА
Фото В. САККА

ПЯТИЛЕТКА И ТЫ

ОРИГИНАЛЬНАЯ ВЫСОТА

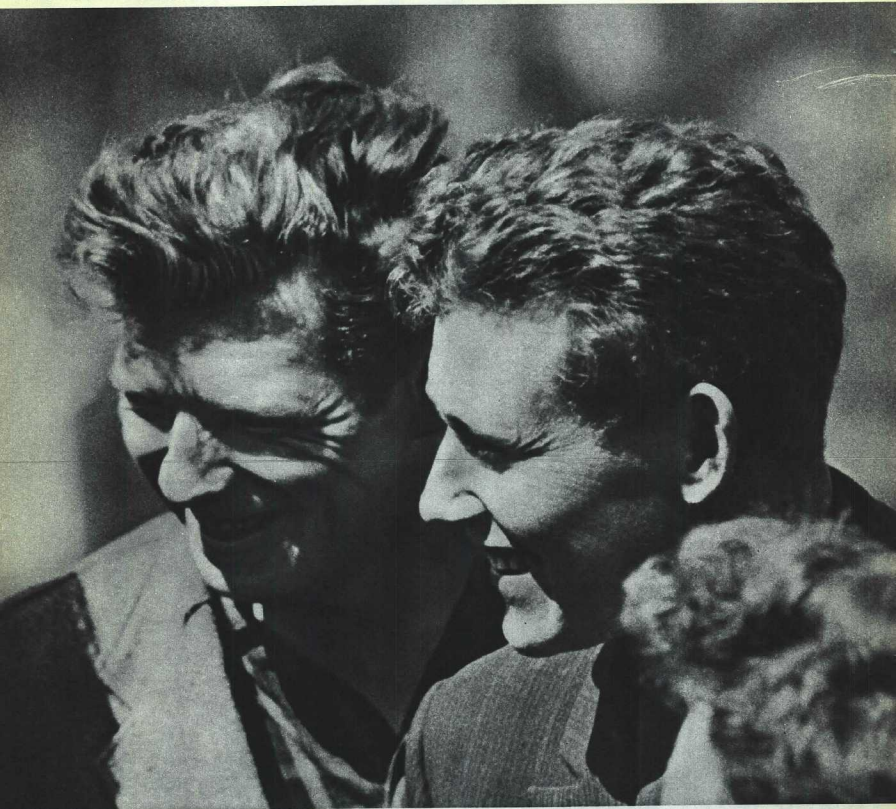

А поднимаюсь в шахту вместе с бригадой Виктора Диденко. Это звучит парадоксально: подниматься в шахту. Но все действительно так — рудник «Малиброн» находится на очень высокой горе.

Желто-красная кабина канатной подвесной дороги за шесть минут выносит нас вверх, к облакам, на 2 000 метров. Сверху город Тырмагул кажется игрушечным. Он стиснут темными горами, между которыми круто извивается зеленящаяся речка Балсан. Под нами плывет синий туман, и в него ныряют вагонетки с рудой... Головокружительная высота.

На снимках:

Облака и вагонетки плывут рядом.
Григорий Жолуб — люковод и машинист

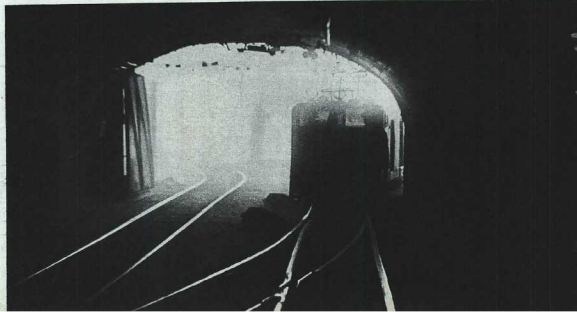
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

13 **ИЮЛЬ**
[1991] **1966**

Выходит два
раза в месяц
Год издания
сорок третий

Участок № 3, высота 2 687 метров. Шахта над облаками. Для того, чтобы добыть ценные металлы — молибден и вольфрам, люди оседлали облака.

Тяжел труд добычиню. Взрывники (это самая высокая квалификация на руднике) прилетают гаусеты взрывчатки и серо-холодные скала, запаивают шпур и бетон устремляют взрыв по металлической лестнице, в шпурты. Мерз и несильная саунда раздается взрыв. Когда улянется пыль и рассеется удушливый газ от взрыва, глыбы руды подергаются дроблением. Затем руды грузят в вагоны, из вагонов высыпают в рудодосус, откуда она снова идет на большую дробилку, после чего по канатной дороге поступает на обогательную фабрику.

Дробление заканчивает два пачета взрывчаткой. Мы не уехали в укрытие, а остались в штольне. Едва закрыли пальцы, меня сильно начало ужимать среди снай, меня сильно начало ужимать стрелом потном воздухом. Было такое впечатление, будто я только что вынырнул из воды, с большой глубиной.

По забою раздается запах гари. В штольне висит сырпал пыль, раздается грохот. Идет добыча руды, и горняком не до нас, корреспондентов. В току же приближает взрывники Алексей Давыдов, и отойдаль занимается один Виктор Диденко.

— Хоть бы план вытнуть! — поспевал кто-то.

— Все равно будем катать из двух шпуртов, — сказал Диденко.

И одному шпурту он поставил Пато Середина, и другому — Саму Саюна, а сам начал галить и зреть в там. Он быстро, но не суетливо переходит из одного шпурта в другой. Все заложены ордис: как без Давыдова выполнить план?

В отрудной перекур я успеваю сказать Диденко:

— Трудно все же нам приходится. Винтор сдвинул каску на лоб:

— Вот тем парням, что строили рудник, там туго пришлось...

Да, рудник родился в трудностях. История комбината — это история подвига молодежи. В 1934 году местные геологи, среди которых находились коллектор Вера Филова, и разведчик Александр Косов, обнаружили в оне Тирингуаз промысловую речную гальку в Вишневском районе. Они наткнулись на камни с сербистовельными крапинками и промиллами. Странно выглядели окрасившаяся пальцы в пепельно-голубой цвет и были похожи на перистую синицу. Лабораторные исследования показали наличие этих камней молибдена и вольфрама. Геологи поднялись на трехтысячную высоту и обнаружили на горе Тирингуаз богатейшее месторождение этих ценных металлов.

Началось строительство комбината. На горе появились земляники. Буровые работы велись вручную. Лито задвинули северные ветры. Бурили по 7-8 сантиметров в сутки. Единственный тропа — мичальце — заносило снегом, и людям приходилось жить впроголодь.

Кое-как на рудник были доставлены три компрессора. И вскоре по проекту молодого прозрета Владимира Грбича начали прокладывать автостроу. Строили бригады во главе с еще безусым путильцем Павлом Мичальцем. Словом сиегидеи велели люди трассу и обламкам. Прогоревшие и спорованные носили на себе. И изменил гора помирнлась. По горной автостроу с первым на полтуре с отразанными дверцами — чтобы успеть вывернуть в случае аварии — поднялся молодой чап, шофер Валерий Логато. И облака оказались под ногам людей.

В августе 1940 года вольфрамомолибденовый комбинат вступил в строй.

В войну комбинат продолжал действовать до тех пор, пока фашисты не приближились вплотную. Через Главную автостроу везли взрывчатку и порох. Когда фашисты перерез перевал Бечо, были эвакуированы люди, бригады потерели последнюю отступающую часть уезда на своих лошадях. 24 октября Шахта пришлось взорвать, чтобы не досталась врагу. Через несколько недель советские войска вступили в Тирингуаз. И опять комбинат вступил в строй. Комбинат в войну проявлял комбатнейший героизм в "Труд".

Сейчас среди лучших называют бригаду Виктора Диденко. Она выступила в начале войны в авангарде добычиню, пятилетником по тонине

безопасности и других дел, из горной уюгодой сформировалась новая мышинья патристия. Есть у него традиции, за их спиной незабываемый опыт предшественников.

...Штольни называют дине пещеры. Над голодом нависают горы Камчатке и сырость. Висит пыль, и там же висит туман. Висит туман, туман на Диденко внезапно стала непогода. Мелкий дождик, обильный дождь, как и негем добывается руду, но сорвали хладноронию. И счастью, еще слышали. Виктору сталося выход через завал.

Его сплюснотость и уверенность передаются всем. Бригаде нет той спешки и нервозности, какие находят в выходящих рудинных шпуртах. Этому помогает правило: каждый должен видеть всеши профессионали горнина. И облакам.

После смены мы не спускаемся вниз, а выходим в рудинные шпурты, и в Каминной речке. Здесь из забоя вырывается туман, и они рудучь стечают по узкому ущелью. Внизу, под нами, падает облака. Внизу истощенные труппниками и изломаны горы на другой стороне Камчатке. Точны норы на крутых склонах. В этих местах стотрановая отменный советский капитан-инженер Алексей Давыдов, и Виктор Диденко. И когда был истрачен последний килограмм, капитан бросился с утеса в ущелье.

Диденко негрово говорит:

— Всеши руды сверх плана сдана горняк дали...

Горнина швырнул вниз камушки, камушки стразнались с места другия, и в ущелье раздается земно-ининое эхо. Усталые, зареубенные лица шахтеров сияют. И мне кажется, будто я начинаю понимать этих молодых и опытных ребят, чувствующих любовь к своей опасной и трудной профессии.

На следующий день бригада Диденко направляется на все любимое место отдыха — в ущелье Ю-То-Сю. Ребята идут по улицам города и барагулят, поздравляют друг на другом, все время раздается смех. Встречные горнина здороваются с ними.

— Опять вместе!

Да, они часто бывают вместе. Хотя у каждого своя работа, и они отвечают дни рождения друг друга. Едут на экскурсию. Шефствует над шпуром. Они дружат во всем, даже в мелочах. Обидны Виктор решил радовать Диденко, а неку завилась вся бригада.

— Зачем сразу же?

— А мы каждый по киринчику и вею быстро сбегали.

Сразу за городом дорога круто заворачивает. Над ущельем нависают громадные скалы, обшетенные лесом. А внизу гремит валкноводный Байсан.

— Форель здесь водится, — замечает Диденко. — Королевская глща.

Неподвиный Лев Ключом тинет всех в гору. Мы поднимаем с валуна на валун. Перед нами зеленый лес, а вверху сияет острог, блестящие лезвие водопада. Среди деревьев нет ветря, и ребята раздвигаются, чтобы увидеть водопад. Едем дальше об сведкорнотельных без туп шумят, будто ущелье о чем-то шепчет.

По-балкарски старина — значит жуарать, ауаз — яхот, ущелье. Над этини горани пролетали жуарвали и отпахали шаркисе из шаркисе. Теперь здесь работают отважные люди, которых выше сравнить с горными орлами. Едем дальше, нам видны матерь вверх, нам вчер, нам сегодня. Поднимаются выше облаков. На орлиную высоту!

КАВАДИНО БАЛКАРСКАЯ АССР.

На снимках:

Бригадир Виктор Диденко (в центре) и машинист Петр Середкин.

Бригадная пятишпуртка.

Электропоезд на ярмом в чрево горы...

Но 2 064 метра — лишь первая ступень, начало пути. Мы первоначально в спешном и направляемся в район мандровичну. Быстро определяются порядки сегодняшних работ. Горняки тискают к выходу, свадятся в маленькие вагончики электровоза. Он дает сигнал и скрывается в чрево горы. На скалах шахтеров светятся фонарики. Я различаю сосредоточенно, словно высеченные из камня скульптура лица Виктора Диденко, орлиный профиль молодого сибиряка Геннадия Батуркина, по-детски наивное выражение лица Григория Молуба, упрямо складку на широком лбу Дмитрия Решетинова... Разные ребята, но все добрые пути. Пришли в мангалу и стали добычиню. Это слово шахтерское, есть в нем что-то от рудных глыб, что торчат в забоях. Добачиню — основная профессия на

руднике. Бригаду добычиню поручили организовать молодому комбатнику Виктору Диденко. Человек серьезный, с маску решений не принимает. Случае в армии, на шахте более пяти лет, опытный взрывник. Первыми откликнулись комсомольцы Муслим Улимубаев, Сайя Мансыгов, пришли студент-практикант Володя Терпугов, молодежь горини Илья Осипин, Борис Алшев.

— Слова есть — радовался Виктор. Как крепла бригада? Пона мы движенье вверх. Виктор рассказывает об этом, арелет от времени постоит. Мы ведь руды знаем! — В этих словах много... Но не вот останова. Норчатая. В большой галети мы снова поднимаемся вверх. Надпись: «Шахта Спелая-1,

Ж. ТРОФИМОВ

В ПОДРОБНОСТИ

СТРЕЛЬЦКАЯ УЛИЦА

Анна Ильинична, самая старшая из детей Ульяновых, оставила воспоминания о первых годах жизни Ульяновых в Симбирске. Она писала:

«...Мм., поселившись во флигеле во дворе дома Прибыловского на Стрельцкой улице. В этой квартире 10 апреля 1870 г. родился брат Владимир. Осенью того же 1870 г. семья наша переехала в верхний этаж дома того же владельца на улицу, где проживала до 1875 г. Дом этот был тогда последним по Стрельцкой улице, упиравшийся в площадь с торговою, которая выходила главным фасадом на так называемый «Старый венец» — высокий берег Волги со сбегающими вниз фруктовыми садами».

В воспоминаниях Анны Ильиничны имеется еще одна подробность, касающаяся периода жизни ее семьи на Стрельцкой: в одном с ними доме жил акушерка Анна Дмитриевна Ильина. Она принимала всех маленьких детей Ульяновых при их рождении, начиная с Владимира Николая.

...На Стрельцкой улице семьи Ульяновых жила почти шесть лет. Здесь были их первые квартиры в Симбирске, здесь прошли первые годы жизни Володи, Давы и Дмитрия Ульяновых. По этой улице шел на работу уже усталый и раздетый по губернии Илья Николаевич. Отсюда вела Мария Александровна своих детей на прогулку, а позже провозила в гимназию Анну к Слану.

ПЕРВЫЕ ЗНАКОМЫЕ

Не исключено, что квартирные хозяева, а может быть, кто-то и из ближайших соседей были у Ульяновых в первый год их жизни в Симбирске, но, за исключением Анны Дмитриевны Ильиной, никто из них не был их близким знакомым. Это и понятно. Илья Николаевич был довольно ногомоген огромной работой по подготовке народного просвещения целой губернии. Мария Александровна была очень занята заботами о большой семье и новорожденном сыне.

И все же и Ульяновыми с первых дней их привела в Симбирск частенько заходящая так же поздно, которых мы с полным основанием можем отнести к числу их близких знакомых. Откажи на первом, уже в осенние дни 1870 года присутствовала в качестве воспитанницы в Никольской церкви при вышке Ульяновыми метрического свидетельства о рождении у них сына Владимира. Владимир Александрович в ноябре 1871 года стал известным отцом Ольги Ульяновой.

Но не только семейное знакомство связывало Ульяновых с Ануоимским. Сближение Илья Николаевича с Ануоимским произошло во второй половине 50-х годов в Пензе, куда онх оба прие-

В первые годы Советской власти американский писатель-революционер Джон Рид, автор горячо одобренной В. И. Лениным книги «Десять дней, которые потрясли мир», предпринял поездку в Симбирск.

«Я поехал туда, — вспоминал Рид, — чтобы увидеть места, где Ленин провел годы детства и юности. Быть может, это не очень по-марксистски, но, глядя на широкие просторы Волги, я думала, что именно на берегу такой могучей реки и должен был родиться Ленин».

С тех пор прошло почти полвека. По-

истине неискажым стал поток людей на родину вождя. Только в Доме-музее В. И. Ленина уже побывало более трех с половиной миллионов посетителей. И все они хотят узнать новые стрихи из жизни вождя и его родных.

Каким был Симбирск в те далекие годы? Какие события происходили в этом великом городе, которые могли оказать влияние на гимназиста Владимира Ульянова?

На документальных материалах мы рассмотрим некоторые детали из жизни семьи Ульяновых.

скаки после окончания высших учебных заведений: он — Казанского университета, а Владимир Александрович — с дипломом выпускника Петербургского Главного педагогического института (впервые ввпавше, в 1857-м, этот институт открыл Н. А. Добролюбов). Люди почти одного возраста, связанные общей работой, они были очень близки идейно; оба были страстными поклонниками Добролюбова, горячо любили своего многогрудый народ, считали своим долгом служить делу народного образования, на котором, говоря словами Ануоимского, жидались «сила и могущество государства».

В Пензе Н. П. Ульянов, В. А. Ануоимский, В. И. Захаров и другие демократически настроенные преподаватели оказали глубокое влияние на формирование общественно-политических взглядов молодой молодежи. Десятки их воспитанников, в том числе такие видные революционеры России 60-х годов, как Д. В. Караковский и Н. А. Ивхитин (жизнине одно время, как и И. И. Ульянов, на квартире у Захарова), стали активными участниками борьбы с самодержавием. Влияние Захарова на учащихся было особенно заметным, и они были увлечены в 1862 году переездом в Нижний Новгород, куда вскоре переехали и Ульяновский и Ульяновский. Здесь, продолжая поддерживать дружеские связи, близко сходятся с революционно настроенными учителями: В. И. Сибирский — другим Добролюбов; А. Ф. Мартьяновым, другом и в Саратове с Чернышевским; Н. В. Коноченко и М. И. Попковым — активными членами члжгородского отделения «Земли и воли». Не прерывались их связи и с некоторыми членами нитинского организационного комитета.

В 1864 году В. И. Захаров, окончательно лишенный права заниматься педагогической деятельностью, покидает Нижний Новгород и вскоре уезжает в Симбирскую губернию управителем земледельческой и лесной (деловой) участии московских интвнтских кружков, а затем видный деятельный Русской секции Интернационала. Через два года переезжает в Симбирск В. А. Ануоимский, а в 1867 году сюда же приезжает с семьей и Илья Николаевич.

Переезд И. И. Ульянова в Симбирск был обусловлен идейными причинами. Ему, вспоминала Анна Ильинична, «хотелось пока работы пощипать и хотелось применить ее не для одних обеспеченных учеников гимназии, а для самых нуждающихся, для тех, кому самое трудное получить образование, для детей чужеродных родителей».

Инспектор народных училищ юности пример того, как надо работать, чтобы в короткий срок добиться существенного улучшения народного образования. Месяцями, не считая с дорожными трудностями, он разъезжал по губернии, пытаясь на месте учителя, добываясь на сельских сходках и в местах увеличения средств на школы, волевым передовую общественность в борьбу за новую школу.

В. А. Ануоимский, возглавляющий деятельность губернского статистического комитета и редакторский весь его издания, своих пе-

чатных и устных выступлениях оказывал всоветскую поддержку начинающим И. И. Ульянову. С 1872 года он немалым отдал себя делу народной школы: оставляет работу в гимназии и самостоятельно занимается преподаванием, назначается директором Порешной учительской семинарии, ставшей последствием основной кузницей педагогических кадров Симбирской губернии.

В доме Ульяновых на Стрельцкой улице было также поддерживающие друг друга энтузиасты народного просвещения, как Е. А. Лебедев, А. Ф. Белокорысенко, П. А. Языков и И. Я. Яковлев.

О том, в каких формах выражалась эта поддержка, можно проследить на деятельности Владимира Николаевича Назарьева. Дворянин по происхождению, юрест по образованию (он учился в Казанском университете на одном факультете с И. И. Толстым), Назарьев с конца 60-х годов стал известным публицистом и писателем, к которому с симпатией относился Некрасов, Панаев и Добролюбов. Обстоятельства вынудили Назарьева оставить Петербург и вернуться на родину. Поселившись в селе Пове-Никануров, Симбирского уезда, он увлекается делом народного образования. В конце 60-х годов он открыл в своем селе народную школу, в которой преподавала и его жена Капитолина Валериновна — известная впоследствии писательница. Познакомившись с И. И. Ульяновым, этим «идеальным инспектором», как впоследствии он называл его в своих известных очерках, Назарьев пришел к выводу, что «без хорошей, правильно составленной школы невозможно серьезное улучшение жизни народа. Решив овладеть новейшей педагогикой, он несколько раз ездил в Петербург, где и участвовал в учительской семинарии», бывал на педагогических собраниях, где слушал выступления барона Корфа, приобретал новые учебники и пособия. Возвращаясь домой, он делится новостями с И. И. Ульяновым, а тот его руководство вводил новые методы обучения не только в ново-никануровской, но и в других школах Симбирского уезда. И. И. Ульяновиче были бескорыстнее увлеклись Назарьевым делом народной школы и своих отечественных телло отмечая его полезную деятельность.

В. И. Назарьев немало содействовал тому, что вскоре после привала в Симбирск нового инспектора народных училищ за ним «стало» общественное внимание, стояли лучшие люди того времени, увлеченные искренним желанием добра и благо творить людям...».

К таким Назарьев относил председателя Симбирского уездного училищного совета Николая Александровича Языкова — члениками известного поэта. Н. А. Языков с первых дней знакомства с И. И. Ульяновым внимательно прислушивался к его предложениям по подготовке народной школы, посмываясь в школу вольнонаемнику. В начале 70-х годов Н. А. Языков, как и В. И. Назарьев, был частым гостем Ульяновых.

В числе близких знакомых Ульяновых, бывавших в их доме, были и писательница Агнеша Федоровна Белоприсенко, крестьян отец

ЛЕНИНА

В. И. Ленина. Страстный краевед-историк, опытный лесовод, поборник развития промышленности в условиях культуры земледелия, как и Н. Н. Ульянов, принимал деятельное участие и в деле народного просвещения в качестве члена училищного совета.

В первый год симбирской жизни Илья Николаевич, по выражению М. Шагина, «очень сошелся с редактором Е. Лебедевым, человеком, выдвигнутым на редакторский пост шестидесяти летними годами...». Возглавляя неофициальную часть «Симбирских губернских ведомостей», Евгений Александрович Лебедев горячо ратовал за развитие народной школы, за подъем культуры народа. Благодаря Лебедеву читатель-симбирец получал довольно обширную информацию о франко-прусской войне, о барикадных боях во Франции и в Италии, о нововведениях во Франции знаменитого Гарibaldi и требованиях французских радикалов о созыве учредительного собрания. Комментарии бурные события в Европе, Лебедев публиковал, что они имеют не только отечественное и к нам, ибо «при существующих в наше время международных сношениях европейских государств события, происходящие в одном государстве, влияют на положение в другом...».

Вышел у Ульяновых и гимназист-старшеклассник Иван Яковлевич Яковлев — известный впоследствии просветитель чувашского народа. И. Я. Яковлев и этому времени, несмотря на свою молодость, уже проявил строгую школу жителя. Крестьянский мальчик-сирота, он благодаря огромному упорству сумел, работая, подготвиться к поступлению в Симбирскую гимназию и окончить ее в 1870 году с золотой медалью.

Встречи с передовыми представителями прогрессивной общественности Симбирска обогатили идейную жизнь Ульяновых, придала Илье Николаевичу новые силы в его трудной работе по просвещению детей чувашских работ. В свою очередь, самоотверженное служение народу И. Н. Ульянова, его демократизм оказывали благотворное влияние на всех тех, кому были близки и дороги интересы народа.

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

В поздравительном году известная советская исследовательница и неутомимый исследователь семьи Ульяновых Мария Шагина опубликовала в «Неделе» небольшой очерк «День рождения», в котором попыталась исторически точно воссоздать день рождения Владимира Ильича Ленина. Работа эта, как справедливо отмечает М. Шагина, сопряжена с большими трудностями, ибо «исчезают многие «естественные свидетели» — книги, материальные предметы, документы; уходит люди, свидетели жизни, — их почти уже не осталось».

Мне удалось выявить ряд новых документов, дополняющих исследование М. Шагина об алеех днях 1870 года.

Просматривая дела инспектора народных уч-

лищ Симбирской губернии, а несколько раз возвращаясь к слабо заметной карандашной записке, которую сдала Илья Николаевич около 10 (22) апреля 1870 года.

«В газете заявлено, — писал он, — что начальство военно-учебных заведений намерено воспользоваться предстоящею в нынешнем году в Петербурге всероссийской выставкой и принять в ней участие, выставив находящиеся в его распоряжении учебно-воспитательные пособия как для первоначального домашнего воспитания, так и для средних общеобразовательных заведений».

По этой записке трудно было установить ее продолжительность: вышло, что она сделана Илей Николаевичем просто для сведения. Однако дальнейшие поиски привели к другому выводу. В Казани удалось обнаружить подлинник письма И. Н. Ульянова к почетному округу, в котором он вначале почти дословно повторил цитированный выше отрывок, а затем просил разрешения самому поехать на выставку.

Ввиду отсутствия образцов училищ в Симбирской губернии, — писал он, — я желал бы наглядно ознакомиться с усовершенствованными учебными пособиями с целью применить их к начальным народным училищам, почему и обратился к Валенту пресловутельству с покорнейшею просьбой о разрешении мне отлучки на 29 дней для поездки на выставку и, если возможно, о пособиях на путевые издержки».

Дальнейшие архивные поиски позволили выяснить, что в одно время с И. Н. Ульяновым просьбу об отпуске для поездки на Петербургскую выставку подавал и В. А. Ауновский. Учитывая близость отношений между ними, вполне можно предположить, что они намеревались ехать в Петербург вместе и об этой дальнейшей поездке разговоры в домике на Стрелочной бывали не раз.

23 апреля 1870 года почетный округ дал согласие на поездку Ауновского. Через четыре дня он подписал письмо, в котором уведомил И. Н. Ульянова о том, что он затрубуется дать ему отлучку и не может выдать «особия по изменению средств».

Илья Николаевич, конечно, ознакомился с материалами выставки: в Карамзинскую библиотеку вскоре поступил указатель выставки и другая литература. Много ему рассказало (а возможно, и привез на Петербург) В. А. Ауновский, который был в то время на выставке, но и на заседаниях 1-го Русского статистического съезда.

Лишь через два года сбылось желание Илья Николаевича познакомиться с постановкой народного образования в других губерниях России, а встречася с лучшими педагогами страны. Об этом подробно рассказывает М. Шагина.

На втором документе имеется точная дата — 11 (22) апреля 1870 года. Это — письмо почетному Казанскому учебному округу, написанное в первый день жизни сына Владимира. Илья Николаевич излагает в нем содержание жалобы, поступившей от смарского помещика Любови Граббе на директората некоторых чинов ученого училищного совета, претендовавших ей в

работе содержимой на свой счет школы для крестьянских детей.

«Школа моя хорошо, — писал в свое жалобное Л. Граббе, — в 5 месяцев почти неграмотных мальчишек пропихив с твердым знанием курс 2-го класса гимназии... но постоянные непреклонные личные отношения смарского предводителя дворянства, а с ним вместе и члена училищного совета и моему моему, которые проявлялись в разных интригах против него, наконец, дошли и до меня. Я получила неадекватный выговор от училищного совета за то, что выдала учителя в свою школу на собственные мои деньги без разрешения совета... Мы с мужем вынуждены были закрыть свою школу и обратиться с настоящею жалобой и просьбой разрешить вновь открыть народную школу на свой счет, но мне никто не смарского училищного совета».

Илья Николаевич, знавший о том, что Л. Граббе была высокообразованной женщиной (заполучила в Московском институте с золотой медалью), и, безусловно, одобрявший ее инициативу дать крестьянским детям образование, попросил почетателя разрешить открыть Граббе школу и передать ее в его ведение. Ходатайство И. Н. Ульянова было вскоре удовлетворено. Любопытна дальнейшая судьба этого училища, особенно в деле подбора учительских кадров. Через несколько месяцев после открытия школы в нее устраиваются учительницами В. Н. Яковлева и В. Ф. Дронова — подруги Л. И. Веренининой по саратовской гимназии. Как видно из обнаруженных писем Л. И. Веренининой (пленными М. А. Ульяновой) и В. П. Яковлева, посланная знала семью Ульяновых и, возможно, устроилась к Граббе по рекомендации Илья Николаевича.

Удалось установить также, что уже в 1871 году учителя школы Граббе (В. Н. Яковлева и В. Ф. Дронова) и их ближайшая знакомая смарская учитель И. П. Минстрон создают нелегальный кружок, сыгравший в 1873—1874 годах важную роль в народническом движении не только Симбирска, но и Самары, Саратова.

***

Приведенные факты свидетельствуют о том, что Симбирск в оживленные годы прошлого века был не только «дворянским гнездом» и «дикой глушиной», как его нередко характеризуют авторы книг и статей о детских и школьных годах В. И. Ленина. Здесь уже имели место значительная разношерстная прослойка, деятельность которой особенно оживилась с приходом сюда инспектора народных училищ губернии И. П. Ульянова. Семья, в которой родился Волеод Ульянов, была интересна персонами каждой своего времени. Именно такой семья стала благоприятной средой для формирования общественно-политических взглядов молодого Ленина.

На снимке:

И. Н. Ульянов (в центре) среди инспекторов народных училищ Симбирской губернии.

НИНА КУЗЬМИНА, ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

Иногда пятнадцать метров туда. Столько же обратно. И с обеих сторон все в движении. Крутятся валки, бегут приводные ремни, с бешеной скоростью вращаются верстаки, стремительно летят вниз поток пружин. А над всем этим мaelвонно и спокойно поворачиваются гигантские катушки — бобины с ровнцами. Нина быстро идет вдоль машины. Но она останавливается. Значит, обрыв. Несколько коротких, сухих движений. Прижать колесико клавши, чтобы остановилось веретено, подложить концы обрвавшейся нити, проехать в колесо...

Нина идет дальше, маленькая, худенькая, как девочка. Подружки подтрунивают над ней: «Не дай бог, кто приезжит тебя в ночную смену увидит, скажет, закон на фабрике нарушают, подростков в ночь ставят...»

Секретарь горкома комсомола Александра Голунова одной из первых поздравляла Нину Кузьмину (справа) с избранием в Верховный Совет СССР

Фото С. ПЕТРУШИНА

Уже который день в прихожку сюда, на клинцовую фабрику имени Ленина. Смотрю, как работает Нина Кузьмина, разговариваю с людьми. ...Систематически перевыполняет норму. Семилетний план закончила за четыре месяца раньше срока... Выработала дополнительно пять тонн высококачественной пружины... Ей присвоено звание лучшей прядильщицы... Она ударник коммунистического труда... Ее портрет — на городской доске почета...

И все-таки это не дает ответа на вопрос: почему? Почему именно Нину Кузьмину, 25-летнюю прядильщицу с фабрики имени Ленина, назвали лучшей прядильщицей? Ведь на той же фабрике десятки людей получили звание лучшего работника своей профессии. В городе сотни ударников коммунистического труда. И с доски почета смотрят на меня десятки лиц.

Я ожидала встретить в знатное педрадика, известного в городе человека, опытного общественника, возможно, даже Героя Социалистического Труда...

А увидела застенчивую молодую женщину, никогда не выезжавшую из

родных Клинцов. И общественные посты ее скромны: профгруппы, член цехового профсоюза. И награда она пока никакие не имеет. И в преддверии этого ни разу не снималась, и на трибуну волонует.

Разрывая монотонный шум цеха, прорывает гудок. Перерыв. Девушки останавливают машины, высказываются на Бунурова пошудую в брак ровнцу — мягкую, пушистую, как вата. Хохоча, толкаясь, устраиваются на ней отжаться, как на подушке. Все они чинно-то друг на друга похожи. Зато нитки над бровями пестрые косынки. Черные передники с большими карманами. И руки, перепачканные маслом, чутко, ловкие руки прядильщицы.

Я вижу Нину, которая уютно устроилась у стены в крону дечат. И вдруг по всей стеллажной полке, мимо, что обрелась в Нининой биографии какие-то внешние особые черты, а в ее характере — исключительные черты. Она вроде бы обыкновенная. Такая же, как эти двенадцать. Типичная, если угодно. Да и судьба ее такая же, как у них. ... Это — сложность, в этом, наверно, и надо искать ответ на вопрос: почему?

...На собрание, где выдвигали кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, Мария Демьянова пришла заранее, успела поудобнее, оглядывая ряды. Почти все лица знакомые: шутка ли, тридцать с лишним лет, и все на этой фабрике.

Сначала Гагарина назвали — хлопели все долго.

А потом начальник цеха Иван Терасович Земляков на трибуну поднялся — вторую кандидатуру выдвигать. Слушая Марии Демьяновой: интересно, кто чести удостоится рядом с таким героем названным быт? И вдруг — рука сама не поверилась: бегом, Нинка! Доченька! Пришла домой — и в слезы: — Видно бы Грisha, какая дочка у нас выросла!

В первый день войны стал солдатом рабочий человек Григорий Рымаев. Осталась дома молодая жена с двумя детьми на руках. Сыну четыре года, дочке четыре месяца. Солдату не пришлось вернуться домой...

Нина училась в первом классе, когда мать однажды привела ее на фабрику, чтобы помыть. А уж заводило цехов поделка. Подвала к своей машине.

— Вот здесь я и работаю. Собравшись уходить, а Нина за рукава тянула:

— Подъем еще посмотрим. Работнички помыслилась:

— Гладн-ка, Мария, смена растет. Что, нравится? Прядильщицей будешь?

— Буду. Как мама.

Послушли тогда: все девчонки одинаково, все говорят как мамы... Мать тогда вместе с всеми помыслась, а потом серьезно сказала: — Нет уж, пока я поработала. А она лусть учится. А там посмотрим.

Через пять лет закончила Нина девятый класс. И уже всерьез спросила у нее мать: что дальше?

— А я, маме, тогда не в шутку сказала: пусть закончат работу школу. Через год, как ФЭУ окончу.

Так само лет назад стала Нина прядильщицей.

Многие в цехе удивились: «Правда, чудачка — знает-то Нинка! Золотые руки — девки, всегда нитку проверяют, и еще больше процентов могут быт дать, если б илаварнич ей стояла бы. А то все учинит пружку, а она не отказывается. Пружку от них

никогого, вертись за двох. А она еще объясняет им, что да как, показывает по десять раз, как нитку присучивать. За показ-то денег не платят! Нормы она ни разу не сделала процентов на 105 выполняет, а могла бы больше, намного больше».

Нина возмущается, когда до нее такие разговоры доходят:

— Вот люди! Дальше сегодешнего дня нинка не видит. Ходят к мастерице, каночат: «Не давайте мне на машину ученицу». А кто же новеньких-то учить будет?!

— Беспоконный характер — сказал про Нину начальник цеха Земляков. — До всего дело есть.

Я сначала даже не поняла: осуждает, что ли? Может, хлопотно с такой? Но ни рассказала один случай и стало ясно: нет, не в осуждение оно это сказал.

Подметила как-то Нина странную вещь. На двух соседних машинах одна из них систематически не выполняет норму: браку микша. Осталась как-то после своей работы посмотреть, в чем дело. Часа два наблюдала за работницей. Правильно все делало, ловко, быстро.

Нина предложила мастерице: — Давайте посмотрим, как роничные аппараты работают. Ведь для каждой сменки свой аппарат ровнцу выпускает.

Там и нашли неполадку в машине. Из-за нее ровница получилась с браком. На глаз а бобине незаметно, а на качестве пружки сказывается.

Изначительный в общем-то случай. Но, может быть, именно он дал возможность людям подметить в Рудовой работнице самые качества, которые помогут Нине Кузьмине стать государственным деятелем.

Люди признают право управлять их жизнью, руководить делами страны — на качество пружки сказывается. Изначительный в общем-то случай. Но, может быть, именно он дал возможность людям подметить в Рудовой работнице самые качества, которые помогут Нине Кузьмине стать государственным деятелем.

Люди признают право управлять их жизнью, руководить делами страны — на качество пружки сказывается. Изначительный в общем-то случай. Но, может быть, именно он дал возможность людям подметить в Рудовой работнице самые качества, которые помогут Нине Кузьмине стать государственным деятелем.

Через несколько дней шла Нина с лавкой по цеху — сменить машинку. Бледный цвет, але дришт.

— Что случилось? Почему здесь?

— Да, понимашь, — смутился начальник цеха — смутился сегодню. Вот немного не дотянул...

Довела его Нина до поликлиники, сказала: — Без меня не уходи.

А сама бегом обратно на фабрику.

С тех пор раз в неделю приезжает за Николаем заводская машина.

«В субботу врану мне сегодня. Нина пригласила меня в гости».

Дом Кузьминых построили недавно, стреляю сами только переизвоили. Строили сами. Аркадий, человек, ради которого Нина смена на два дня не ходит, — в Варшаве а Кузьмину, по профессии маляр. «Он у меня мастер на все руки».

В городе ровные ржиды — аквариум, окуриватель, шарикоподшипники. Под крыльцом семейство кроликов шумно

расправляется с охапкой свежей травы. Дом сверкает чистой.

Нина в халатике, в тапочках колдует над сковородкой.

Передо мной сейчас не депутат Верховного Совета СССР. Не переводская прадильница. Просто хозяйка. Женщина. Жена.

Я смотрю, как нетерпеливо поглядывает она в окно, и думаю о том, что люди, которые живут рядом с городами наших очерков и которые хорошо их знают, судят о них не только по тому, на сколько процентов выплывала норма и как хорошо справлялись они с общественными поручениями. Работницы, которых я расспрашивала о Нине, обязательно прежде всего говорили: «Хозяйка хорошая. Дома у нее все так ладно».

Да, для Клинцов, маленького городка с подавляющим большинством женского населения — так уж выходит в текстильных районах — особенно важно, как живет их депутат, когда покидает после смены фабрику. Ведь депутат не только представитель своего избирательного и воспитатель, наставник, советчик. Захочется ли кому-нибудь равняться на человека, пусть выполняющего норму хотя на двести процентов, если у того в семье неладки, если дети бегают неухоженными, если в доме полы метут по большим праздникам? Намечу на улице заросшая моточка. Нина кидается открывать калитку. У сара в радостной истерике забилась Мирта, любимица хозяйки, великолепный ирландский сеттер. (Аркинда — страстный охотник.)

Нина влетает в комнату, бужет на стол настольно.

Сейчас — сейчас — она, расставляя тарелки — сейчас — только с принцессой своей неагладильно расцвела. У-у, проклятая собака! — говорит она без всякой оловки. Собака! — одно, равно как в восторженном выгзу Мирты.

А потом мы едим борщи и еще что-то очень вкусное, болтаем обо всем, что у нас в записках, что Нина не забывает откладывать лакомые кусочки для ипронкой собаки».

— Моя бы воля, — мечтательно говорит она, подылавывая муку в тарелку, — все бы сделала, чтобы люди жили дружно, хорошо, чтобы радости у них побольше было. И еще чтобы мужики не пили. Знаете, как женщины у нас с таким муравьем...

— Ну, — подтрунивает над женой Аркинда, — воцарилась бы на земле всеобщая трезвость. Вот уж точно: не в бог бабе алая!

— Достается иногда! — заговорщицки спрашивает она Аркинда.

Что вы! — искренне ужимается она. Это я так пошутил. За семь лет голоса друг на друга не повисили... Я ушла от них, унося в душе ощущение удивительной ясности и чистоты, которое всегда возникает, когда видишь двух очень хороших и очень счастливых людей.

...на предвыборной встрече избирательная комиссия в Ниню Кузьмину ее старший школьный учитель Владимир Железников Кантор сказал:

— Каждому педагогу приятно, если кто-нибудь из его питомцев станет героем, знаменитым человеком. Но главная наша задача и главная наша радость в том, чтобы наши ученики становились хорошими, настоящим людьми.

В эти слова старого учителя еще один ответ на вопрос «почему?», с которого пришла я в Клинцы. Почему люди выбрали своим депутатом обыкновенного рабочего человека — комсомолку Ниню Кузьмину.

Т. БРАТКОВА

ИЗ НОВЫХ СТИХОВ

Владимир СОКОЛОВ

Селитре

Ты поминишь, как молоды были Мы той обуральной весной, Где россы водами сквозили Вдоль нашей тропинки лесной!

Кручеины ветле листья И ветки желтели обочь. И дождь еще первый не лился, И холод прихватывал ночь.

Но вздох озерного ветра Ледок обрзался в ничто. Была ты в иносонье светлой И в кошанах сияла пальто.

Была ты лила без оглядки И тем, что за мною вослед Так смело на третьем десятке Достигла шестидеяти лет.

Теперь я инисольно не знаю, Ты поминишь ли это. Но я Себе хорошо представляю: Сичь, волны, космынка твоя.

Друг их вековая обинька, Вечеринного трава И да робка вешная дымка, В которой висят деревья.

***

Этих первых узнаю Заборозный речь и Снег валится на скважью, На Зямаскореече.

На сырую молгижну Улочек Ордыню, На тебя, мою звезду, В призывной косинке.

Зачернилсь оттого Голые деревья... Так смотри же ты в него Хоть до одуренья.

На мой кожаный рукав Голову откинув, Улыбаясь, запролап, Колеши в лавинках.

Люблю, когда друзья мои в Тбилиси В пылу беседы обшей за столом Заговорят, до зова речь возмывья, Своим почти оравным языком.

Я прислонюсь тогда щекой к ладони, Порадуюсь, на лица заглянуся, Порадуюсь, что я не посторонний, Что своего молчанья не стыжусь.

Что вот и сам твержу я с их же пылом На языке, что дал мне дед-тверях.

А небо над художническим пиром Зашло за звезды... Полночь при дрях.

Но все вынимает листья-непесды, И складки гор, и дунувшая трава, Как мы ведем высокие беседы, С грузинской речью русскую слошаш.

Я говорю о стихотворном ладе, Лякую. А кто-то говорит: Сосна атацандимр конитесь и гларит По-матерински голову мою.

Цикады

Я дунал, рассветные втички поют, А это цикад свистельные. Вслушай им пелье их таинный уют, Дромжацие ночью растенья.

А я пробудилсь, как будто в окне Большая зря настала. А было черно. И подулалось мне: Львиэ этого недостатка.

Но так и случилось. В оконный проем Шууалы кусты-невидимки. И дунал я долго о прошлом твоём, Что в бедной скрывается дышке.

От этого забю щемлюю в груди И будущее зрякряшалося. Встал том, что ушло давно позади, Но все же позади оставалось.

И все это влинуую юиюую ночь С открытым спал я глазами. И было мне амртышсь невномь С бездомными их голосами.

Но вот они сияли, злкая в кулаке Рассветной росинки монету... И силно тебе о домашнем сверке, Которого все еще нету.

Сальери

Сальери — мастер в высшей мере, Лидь одного не разулел, Что сочинять умел Сальери. А слушать никак не умел.

Сальери думал: он не знает. А Моцарт являет. Моцарт знал, Как слаость наполняет Неукоснительный бокал.

Сивозъ лавить гордую улыбку — Не просто застыть и расчет... Он видел первое: ошибку. Что спать Сальери не дает.

Он отпернулся. Пусть насмылет. Да, Моцарт — бог. Бог чужд вымет. Избоком жизини!

И вовекни Убиства люды не прости. А брэд о черном человеке, К рудке припадет, взглял...

Бог момент икусывать судьбу. Но ведь стои! Бессмертен в рере, Странный Моцарт спит в гробу. А что без Моцарта Сальери!

Снежок

Не стесняйся — впопыхах Приснослухишься и ржаво... Что вытешь в обаян. Я с тобой внятно.

Белый, синий, синий лух. Бывает бездонность... Так захватывает дух Первая влюбленность.

Так иронич мой: любить В лухах юных, рослых. Сосна бабочку ловить Вдалеке от взрослых.

Говорю я, а снежок Тает, тает. Тает. Твой целует сапожик, К рудке припадет.

Поминдот ой скважю И Зямаскореече... Этих прежних узнаю Заборозный речь я.

С их дыханем туда Мы с тобой вернулись, Где в далекие года Лихо разминувлись.

Когда мне трудно, я вспоминаю себя маленького. И мне грустно, что детское, снова стало дальним. Где-то, за тридевять земель, еще живу я, шестилетний, и еще жива бабушка и мои братья Миша, Сергей, Коля. Там, в памяти о детстве, все живо и прозрачно. Я возвращаюсь туда сейчас, чтобы вспомнить в себе ту ясность и доверчивость, когда все на земле легко объяснимо. Может быть, жить — помнить в себе все летнее, легкое. А кто из взрослых, подобно отлетевшим гусьям, к той земле, где тебе было шесть лет и все казалось огромным и непривычным. Та-а-а-а-а! — зову я, как тех гусей, вспоминаю, не для того, чтобы успокоиться, а просто потому, что кому-то и сейчас еще шесть незамысловатых лет.

БАБУШКА

Бабушка Пелагея — тоже маленькая, и мне все с ней понятно. Я с ней много разговариваю просто так, к тому же бабушка любит читать книги, даже читать сказки. Вобщем, я с бабушкой на равных. Помню, когда к нам с собой привезли первый ярус кино, — это была «Александр Невский». — Володенька! — сказала бабушка, — так тоже кино!

— Это когда люди ходят по стенке и разговаривают, — сказала я услышавшее от других.

— Этого не может быть, — сказала бабушка.

И мы пошли смотреть кино. Бабушка пропустила бесплатно, так как подумала, что она слепая, а я повзрослел. Мы сидели с ней на полу перед первым рядом. Погас свет. И на стенке появились люди. Бабушка подумала, что это какой-то фокус, и успокоилась. Потом появился Александр Невский. «Боже мой, да что это, господи!» — всплеснула бабушка руками. И вдруг встала на колени и начала читать молитву, иногда кланялась. Так и стояла бабушка на коленях, пока шел сеанс... Я испугался за нее, а еще мне было стыдно, потому что я все смотрел на нас и улыбался.

— Чудо чудное, появился святой Александр — живой, точно такой, как на иконе у меня, — рассказывала бабушка дома. — Вот до чего додумались! Ох!

На другое воскресенье бабушка опять стала собираться в кино, надела новую кофту и ненадежный цыганский платок.

— Идем, внучок, в кино — на святых смотреть, — сказала бабушка.

— Я не хочу, у меня сон, — сказала я.

— Бабушка старая, и ее надо уважать. Она хочет молиться. А сейчас черная нит, — сказал отец, пожимаясь.

Злой на бабушку за то, что все мальчишки смеялись над тем, как она молилась в кино, я ее нарочно подволил и большим камнем, и горосином: «Здесь камень — прагай!» И бабушка поспешно прыгала. Так еще смешно, неуловимо она прыгала и через канавы.

В кино показывали пародию и самолеты. И бабушка было неинтересно: она ждала, когда повантятся святой со строгим лицом, и глаза у нее kamenela в ожидании. Но святой не появился, потому что это была другая картина. И бабушка дома долго лежала и что-то ворочала. С тех пор ни с ней не стали ходить в кино. А некому она убрала в ящик. Бабушка болела ногами и дулась на меня целую неделю.

Сны у бабушки, как сказки, длинные. И мне кажется, что она нарочно их выдумывает. Я очень ей завидую. И все придумываю себе сон такой, чтобы она ахнула и не могла отгадать. Наконеч я придумал. Как-то утром я ей сказал:

— У меня был сон, будто я сделался железуем и меня кто-то съел. Вот.

— Ох! — испугалась бабушка. — Это к простуде. И три дня не пускала на улицу.

Я очень огорчился, что бабушка для меня так плохо отгадала сон. И стал придумывать другой, чтобы успокоить ее. Но сны выгидели бездарными: то про то, как я ее оладыво во сне, то про то, как я гнался за гусем.

— Олады! — это орты, — говорила бабушка бесстрастно, — гусь — грусть.

Меня взяло отчаяние. И я перестал рассказывать сны. И меня стали снова пускать на улицу... А у бабушки сны действительно чудные были. Хотя бы вот такой сон. Я его вот так запомнил.

— Сижу я, значит, у станции, — рассказывала бабушка, — а рельсы железных, дорожных навеле на уйна. А я беру бритвочку. И, как солонину, режу их пополам. Изрезала все... К чему — снм бестолковой... Гора — к горю. Печь — к печали. Хлеб — к хлебу. А зтой Рельсы — к чему? К войне, что ли?..

— Сны у тебя металлургические, — говорит отец, а сам смеется и мне подмигивает. И мне весело тоже, потому что это слово гугает бабушка, и она уходит в боковушку, где долго с кем-то и истоиво беседует...

Над нашим ябаню радуга переливалась, болышая, как рыба. Я ее вижу с луговины и беру, чтобы поймать радугу. А когда приближал, — пусто.

— А где радуга! — спрашиваю я у бабушки.

— Это я ее давно прогнала. Затопила печь — дым и унес ее к другим ябаням. Ишь, радость наша! — божно для одних себя оставлять. Пусть и другие порадуются.

Дождик прошел сильный, скорый я ушел в лес.

— Куда девался дождик! — спросил я.

— Хороший дождик грибы поит, — сказала Пелагея Петровна, — и хлеб току, и реки. А живет он в облаке, чтобы люди видели его и ждали. И это было очень хорошо, что дождик такой уныный и добрый.

Под окном у нас росла яблоня, старая, с большими ветками. Мне хотелось сжечь на палочке, и я отложил от нее большую ветку и стал ездить на ней вердом.

— Странный какиел! — всплеснула руками бабушка. — И не стыдно, что дереву сделал больно!

— Я все его до веточки! — оправдывался я.

— Ох, что теперь делать! Увидит твой отец, как яблоня поклеванел! Ох!

— Я не буду болеть! — испугался я за себя.

— Вот что делаем, — сказала бабушка. — Сейчас еще весние, делаем из ветки черенок и послидимazole яблоня, чтобы наша яблоня росла. Отец увидит — и простит...

Не помню, принялся тот черенок или нет, но на том месте сейчас яблоня. Годы те ушли давно. И бабушки уже давно нет. И я тихонько стал взрослым и, когда приезжаю домой, вижуazole баням яблоню, уже не новую, согнутую, с большими яблонями... И мне кажется, что яблоня помнит бабушку, как я ее послим. Потому она, может, и живет так долго и все в яблонях...

Помню снежок, мохнатый, покойный на белых мела. Он нападал сразу. А потом долго лежал и старел. На морозе в каждой снежинке — свистулька. Наступили — засвистит. Чудно.

— Что зтой — спрашиваю бабушку.

— Это морозу больно, — говорит она.

Была у бабушки фотография, где в ногах у взрослых сидит маленькая девочка.

— Это я, говорит бабушка, — еще моложе, чем ты есть.

— А знаешь ты? — стала старой! — говорю я ей.

— Я еще торосилась стать большой! А ты не торосил, растил! Услелся.

— Я не хочу теперь расти, а хочу быть всегда такой, чтобы не делаться старым, — пообещала я.

— Тогда бабушка стала плавать в своей боковушке, и мне ее стало жалко. И я ее слушался целых три дня, чтобы понравиться ей олыть.

Все ребятишки гордились цыганам, хотя это было и шестотно. У меня тоже масонцы позанисли собственные цыпки. Я пришел к бабушке и горделиво показал ей ноги.

— Вот солонку у меня цыпок.

Бабушка показала палочку и испугалась.

— А ты знаешь, откуда цыпки берутся?

— Откуда! — спросил я.

— Это рыба! — крикнул и прыгнул к ногам. И тебе не жалко рыба!

Я сразу побоялся к рукотонной и стал отбывать ноги. А бабушка ходила довольная и послимывала нитро.

Бабушка у меня маленькая. И было много у нее снов, как у меня. И еще были оны на шурелю. И тогда она была строгая, в очках. И спале она и мига, где отгоревала от старости ноги... И теперь не помню, когда ее не стало. Может быть, это и вкоро, потому что мне и теперь кажется: не далеко где-то отстала она по дороге от меня и теперь никак не догонит...

О СЕБЕ САМОМ

Теперь все дальше и дальше от детства. Такое ощущение, словно кто-то скоро везет тебе. Я боюсь этой скорости: мало увидишь, мало запомнишь. Возвращаешься назад только мысленно и надменно пересчитываешь все свое, оставленное там, далеко, в синем, неотзывном, еле знакомом.

Как-то непонятно думать о себе самом. Что поминишь, тем и думаешь. Прогоню обыкновенно чуть-чуть в будущее. Но тычешь неясно. Но тычешь неясно и не помнит про истоки, потому что не может вернуться...

Чем больше я думаю о себе прошлом, тем больше живу. И вот у осматриваю, а себе давнем — какой я и какой мир вокруг меня.

Про себя я боюсь остаться маленьким. И меня мучают страхи, а вокруг будущего просто утешает, что я вырасту. Тогда я уложу к подсолнуху и ложусь под него, чтобы забить свой маленький страх. У меня был свой подсолнух. Я нарочно весной посадил семечку в картофель. И когда возмел подсолнух, я очень радовался, что он мне послушал и стал расти. Этот подсолнух я прозвал «Расту большой» и всегда смеялся, что он цуцупый и круглый, с мокрыми, смешными лопухами по бокам стебля.

— Ну, Расту большой! — говорила я ему, — скоро дождик будет! — И радовался, что подсолнух ждет дождя и растет зеленым. И еще мне было приятно, что он меньше меня.

И пришла лето, и подсолнух вырос выше меня, а я остался маленьким, и мне казалось, навсего да-навсего. И я забил о «Расту большом» подсолнухе: он для меня перестал быть живым, потому что в чью-то яблоню терпеливо он обманывал меня... Потом меня еще обманывали, а я хотуну

тел так же вот забывать, но не выходило как-то. А подослух выдох, и семечки у него были пустые. А радом, в подсолнушки, выросли больше и удачливее подсолнухи, но у них не было имен...

Гуси летели по всему небу и медленно уходили далеко в небо. И я думал, что они умерли, когда они совсем скрылись...

У отца друга Исаке был верблюд, ленивый, желтый, как опаленный. Исаке призывал его к столбу, и верблюд ложился у столба, закрывал глаза и чего-то жевал. Потом открывал глаза и зорче смотрел на траву, на деревья, на меня. — Зачем тебе верблюд! — спросил я Исаке. — Он же страшный.

— Почему так нездорово говорил? — сказал Исаке. — Я на этом верблюде воевал.

Тогда мне этот верблюд понравился, и я стал приносить ему крошки хлеба и гордилась, что у нас во дворе такой замечательный верблюд. И когда мальчишки меня за это, наверно, прозвали «Верблюдо», я был очень доволен и про себя по-смеиваясь над ними.

Помню первую рыбалку. Роснов. Предутреннее. Я заблуд в отцовской фуфайке и сижу рядом с отцом; в руке у меня удочка, и я ловлю рыбу. — Тише, тише, — говорит отец, — рыба сейчас слушает нас.

И я молча заблуд, и я боюсь, как бы рыба не догадалась, что я ее хочу поймать.

А небо чуть-чуть облаволо, и в тальниках слышно, как отрываются птицы, как они стращивают взмахами крыл с тальниковых веток росу.

Я слежу за леской и глазу на реку, где пылу тонкие всплески. Это рыба хочет посмотреть утро. И я никак не пойму, почему на мою удочку ловится маленькая рыба, а на отцову — боль-

шая. И закидываю удочку подальше, на всплеск, и заблуд, ожидая клева. Но рыба всплескивает в другом месте: она, наверно, рассматривает нас с отцом и решает, на чью удочку поймаются...

Я жду праздника, потому что соберется много родных и будут петь — чудно, голос к голосу. Я люблю слышать мамин голос — поющий, зовущий другие голоса за собой. Мама тогда всегда не старая.

— Саян, — просит ее, — ты с передыхом, чтобы болно вышло.

— Я что! Лишь бы слова вспомнились, — говорит она.

И песня переливается с голоса на голос, покачивается, и кажется, что есть неведомая какая-то земля, куда можно долететь на песне.

— Ишь ты, — говорит дядя Яша, — одиннадцать родила и не старая голосом.

— Песенка, как лесенка: осилишь — не захавешься, — добавляет кто-то.

И песня бежит, бежит, петляет и не кончится никак, и все гости вроде как бегут за ней невест куды: лишь потом, когда кончат петь, глаза медленно возвращаются откуда-то издалека, где все снова, утреннее... И я долго слушаю после песни всплески последних слов.

ЛЮДИ

На мельнице, я знаю, живет старик Корнилов. Когда он лежал пльям на лугоине, куры выклевывали на его одежде зёрна. Корнилов зливал всего раза в год невест с какой горестной памяти, и все его за это жалели, потому что он был человеком смиренным и нам, детям, строгае симулянт. Корнилов доводился мне родственником и любил со мной разговаривать всерьез.

— Я мукомол, — говорил он, — и сам себе при-

думал мельницу, чтобы что-нибудь да шумело. Это для настроения потеряннго. Ты хлеб любишь? А из плохой муки хлеб либо липкий, либо с песком.

— Дядя Паша, — прошу я его, — расскажи про лешего.

— Был один леший здесь, да и того ухлопали. Я сам в конце был и стал глумли. И поэтому ты не спрашивай, чтобы я тебе по своему настроению рассказывал.

— Ну, говори, дядя Паша.

И Корнилов грустно рассказывал, что у него есть гдето на Зайсине платаро детей и жена. Я уже знал, что у Корнилова давним-давно никого не было: в избе, сухойной и тесной, сгорели они от лесного пожара...

У дяди Паша на стене фотография, на ней девочка-синеглазка, зовут ее Лене. И когда мне хочется приникно, дядя Паша просит меня закрыть глаза и говорит ей:

— Лемочка, дай мальчуху приникно! Что-то шлепается радом на кровати, и в янжу-большой с красным отливом приникно.

И уже поэма, в войну, когда пошел голод, я часто вспоминал эту девочку с фотографии, которая мне далаа приникно, и очень хотел ее видеть.

На мельнице вода белая, как мука, водопад. А на мельничных колесах стружка воды, теплая, вязкая. И мне кажется, что я еду на пароходе кудато по реке далеко-далеко, где в обязательном порядке должен стать большим и сильным, чтобы чем-то нужным и только мне известным помочь дяде Паше...

Я давно хотел увидеть елку — как-то не пришло-дилось увидеть: на праздниках я сидел дома под присмотром брата. А у нас в избе ее не было.

И вот шофер Егор привез зеленое игольчатое дерево.

— Дядя Егор, что это? — спросил я.
— Это елка.
— Это дерево, но елка — сказал я.
— Вот навазотю конфет и игрушек — и будет елка, — сказала дядя Егор весело.

Я очень огорчился тому, что все необязановное, придуманное мной, оказалось потом простым, и не забываясь. Но дядя Егор у меня, потому что он меня катал на машине.

Потом елка стала народной, а я даже навазотю на не цветных стеклышек. И стал жадить, что будет дяде.

Мать с отцом ушли в гости. Остался лишь сестра Шура и дядя Егор, который ее любил. За праздничными сборами я не заметил, как сестра ушла одна... Дядя Егор сидел тусклым, посторонний весь вечер у нас, срывая с япки конфекты и давая мне.

— Ну вот, теперь понимаешь, что такое елка? — Это грустно когда, — сказала я.

Тогда дядя Егор вышел на улицу, звал машину и уехал. А мать ругана Шуру на другой день: — Ст любви любви не рудуются. Какого человека обидела — у чужих праздничала.

В войну дядю Егора убили, и он не стал мужем сестры.

И только взрослому я увидел настоящую елку.

Дед у меня сутулый, здоровенный. Говорили, что он был есаулком или еще чьм-то. Он угрюмо сидел на печи и никого не подпускал к разговорам и через горы уходил к другой своей дочери, опираясь на палку, — он не признавал машин.

Все его в доме боялись, а я нет, и мне это нравилось. Когда он был сердитым и не ел по несколько дней, меня подсылали к нему с едой. Я чувствовала свою власть и дразнила его: то прыжком шкелотал пятаку, то выворачивал палеаку его наизнанку, и дед по забывчивости надевал ее, то называя «белавиком». Тогда дед гавился за мной и, догнав, подымал меня одной рукой, снимал штанишки и пелал в ягодицы:

— Тыфу! Начистая сила!
— А я теба не боюсь! — говорил я, обиженный.
— Падно, дразни, забавнич! — соглался дед упродло. — Выростает, кончатый, — побишь!
— Чего ты дедя мучишь! — ругала мать. — Ты же вылитый он.

— Он «белая» и пречется! — говорил я.
— Тсс! — шикали на меня. — Дурень! Чьт ты никому, ничий! Ясно!

Потом дед заболел и стал причащаться, подозвал меня к себе и тихо сказал:

— Твоя правда, сынок. Скучно в чужом времени жить. Надуря я зародово, да ничего. Только ты меня смотри помини...

Дедушка в тот раз не умер. Лишь спустился его занесли на перевале снегом. Нашли деду в расщелине: он лежал плашмя, а сверху лежала палка... Так я и не узнал, какой он.

И ЕЩЕ О СЕБЕ

В неприемтной, отдаленной стране до сих пор еще живу я, маленький, шестилетний. До сих пор мне, и кажется, что буду жить вечно. И теперь только памяк, как на пароходе, уводит меня туда, где тус летят по небу и не всасываются, где мамини щиплала в пуху, как снежинки... И мне, нишнемому, там, а той земля, все понятно, все светло. Я вижу тоненькую тропку, убегающую от нашего дома в тальники, где жемки для мамини все заворачивала, лисички, медведки. Я до сих пор бегу по той тропинке и боюсь, что постречусь с ними, и мне боязно и приятно, и я бегу, бегу, до сих пор бегу.

Иногда смотрю черн иневою вьяз на оконном стекле на улицу, на снег, на мороз. И мне кажется весь мир белым, в узорах и морозных. А мать говорит:

— И с чего это ты!

А я дашу, дашу на стекло и хочу рассмотреть дедя, маму.

Так и сейчас, как сквозь заиндевшее морозное стекло, смотрю я на шест свой лет — и вижу смутно. И мне охота подышать на это стекло, но сколько ни дышу — не просветит. И мне, а и живу в своем заботох — уже большой, уже знающий. И все равно хочется быть маленьким и вечно, вечно жить.

Петр ВЕГИН

Петр Вегин — в поиске. Его часто и не без оснований упрекали за интонацию в стихах, менее самобытно, чем хотелось бы. Но Вегин растет — заметно и плодотворно. «Артистка» убедительно свидетельствует об этом. Росту поэта способствует его стремление быть в эрхе жизни. Повесть XV съезда ВЛКСМ, поэт много ездит по стране, и с каждой такой поездкой мужает его поэтический голос.

Моему другу художнику Борису Житовскому.

1
Прочальные вьязи рук,
любимой лицо...

2
Здравствуй, Полярный круг —
чертова колесо!
Здравствуй, безумный бег
крута, покраптого льдом,
слизняющего всех,
слабо стовича на мей!

Стою. Ледяная поляна.
В ушах тишина звенит.
И кажется мне,
как Полярный с
ухмылочкой говорит:

«Посмотрим, какой ты
парень,
какии ты венники парен,
какии ты полен,
посмотрим, парень,
посмотрим...»

Вообще-то мне с башии
Эйфельовой
на вас начихать на всех.
Но если не средефршиш
и выдержимш мой бег,—

стой. Но запомни только:
лишь стойчие и стойкие
на мне устоят могут.

И еще медведки,
потому что четвероногие...

А тех, кто ханжик плаксиво,
кто кинат мой материт,
я центробежной силой
слизняю на материни!

3
Я познал на практике
любовь, сам
голодуку Артистка.
Чувств!

Ползает Артистка:
годуку винюлет,
годулет Артистка
по Софьи Лорен.

Я недвояо дома
голоду по аэродромал
и по городам.

Мне понятна надность,
мне понятен голод.
Я живу, не жалуюсь
на полярный голод.

Самолет летит связной.
Я стою на палубе,
и Артистка передо мной,
как эскиммо на палочке!

4
Ночь, полярной ночью,
чуть задремавши, и печка,
отсытая, пощелкивая,
отсытывает контрпангунты.

длинные пальцы ветра,
как пальцы гитариста,
на переплетящих антенны
начинают месу северного
сынякя.

И в вспоминаю строчки
из Гарсна Лорки:
«О гитара,
бедная жертва
пяти проворных киноаолов!»

Ночью,
когда сиянье висит
надо мной, как люстра,
ночью,
когда ветер рвет антенну
мую,

У меня такое чувство,
будто я в гитаре сплю!

Пой, антенна, как гитара!
Ветер трогает басы...
Как антенны — мы
как гитары — мы поэты.

Мы — в эфире.
Мы — под ветром.
И звучат, сваятая тишь,
и подпочла нервы и веку,
люди — прадеды антенн!

...Я люблю твой голос
инкий.
Что ты лети в пространство
шешель!
Что там носится в эфире —
«Песни Сольвейг» или «Юн...»

5
Быть айсбергом!
Я понял, что являю
я тоскавал по айсбергу по Белому,
но по его величю победному,
а по тому, что льды законники.

Вот он стонт.
Артистической Антей!
Как снамоп совремнного искуства,
в котром все светло и безыскуство,
Как хочется его среди людей!

Быть айсбергом!
Как был Хемингуэй!
Какая глубина! Какая пластика!
Здесь понял я, как не хваает
и мне и большынству моих друзей...

6
Корабли амерзуют в лед.
Корабли, как люди.

Этот старый пароход
после августа в поход
отпускает не любя.

Отступить — раздранет лед
нам заруту торосы...
Старый пароход,
слымо Паутовской.

Порта обща любовь,
старый, одионий,
без спасательных кругов,
без биноклей...

Раньше был он кораблем!
Летчим... Папаннич...
Было — поросло белым,
было — и пропало...

Не печалась, пароход,
кладбище — для мертвых.

В самого меня,
как в лед,
женщина
амерзла!

Я ее не отпущу
ни в какое плавание...
Принадла к плечу
на рассвете, плапала...

Расшибет о гололед
коленки и поплот...
Ты хотя бы пароход,
а она лишь лодка.

Ты, простуженный чудак,
прости мне речн длинные.
Я нас амерзает лодка, как
корабли по льдыню...

7
Полярный круг,
врачая меня всегда,
испытывай мой тонкий карандашик,
и если я не выдержу, тогда
отбрось мне куда-нибудь подальше!

Пусай,
когда мне будет горячо,
когда придется туго,
вспоминай белая подушка,
мне охладит горячее лицо.

На белом льду краснеет самолет
полярной авиации. Не тем ли
в сравнении, чтобы спасти, ползет
ко мне в одежде белой санитарки!

Я воин или угрениный пастуш!
Я или лети в белом паразете!
Я сплю,
и подо мной Полярный круг
лежит,
как шкура белого медведя.

ПЕРИОД ПЕВ, ПЕВ, НА ДУМ!

А. ТЕР-ГРИГОРЯН
Фото
И. ГРИЧЕРА

На волнистом новре степи-тысячи людей. Они толпятся да яриа борды обейтин выстроившиеся в ряд грузовник, расположились даже на крыше старого дэтрибуса.

— Наул! — кричит человек с вышини, и взоры людей вливовзлет в просвет между двумя полоними холмаи.

Одни за другим выскакивают из-за поворота лихие всадники... Их вичествово, они проносятся перед трибуной с гимназем и сивстом. Самому старшему всаднику — десять лет. Самому младшему — пять. Через несколько минут будет известно имя победителя. Его пронесут тысячи голосов, а кони торжественно опирот кувисом.

Надом. Старик с морщинистым, почти черным лицом, в синевеном халате, подпоясанным красным кушаком, прищурив глаз, натянул тугую тетиву. Сейчас стрела его, выравнившись из объятий луны, поразит деревянную мишень, и бородатые старицы в красных тулках затинут хором меланную песню — хвалу местности и спорозве.

Надом.

На траве стадиона усаживается два яриа борды. Сейчас они заключат друг друга в тисник. Тот, кто носится поленом землей — повержен, и победитель, расставив руки и поначавшись, совершит круг перед трибуной — «танак орла».

Надом. А начнется все это так: с центральной площади Сухэ-Батора двинутся танин, бронетранспортеры, пропечатают шаг оветные с иголками батальоны, придут с флагами и транспарантами наяривые люди.

Надом. Самый радостный праздник монголов, самый наровный, асеший, асеший. Его отмечають 11 июля каждого года, как праздник аристой революции. В нынешнем году ей исполняется 45 лет.

Тогда, в 1921 году, не было этой просторной площадки с колоннами театра, с памятникон всаднику на крутом пьедестале. Тот, кто запечатлет сегодня скульптором, Сухэ-Батор, стоял тогда на высокой помете, сообщая толпе героями, обовранных людей, глзлыми деревянными сераяи и юр-

там, зелеными холмаи и синему небу радостную весть о рождении новой Монголии.

— Много еще надо будет поработать революционерам, пока из пастушеских элементов сойдется пролетарская миссия, — говорит Ленин борцам за новую Монголию.

Монгольские революционеры работали в полную силу. Каждый из 45 прошедших лет был шагом на пути и социализму. В Улаи-Баторе часто встречались красочный планет художника Ангаланга: лихой всадник в монгольском чалмаи-вздыби коня над черной пропастью, монета вот-вот коснется широкой красной посылы. «Миную империализм — и социализму!» — объяснит вам смысл планета каждый школьник.

Славная гвардия Сухэ-Батора — Монгольская народно-революционная партия уверенно введет свой народ и прекрасному будущему. С каждым годом крепнет социалистическое сельское хозяйство страны, развивается промышленность, обретает все большую силу национальная культура.

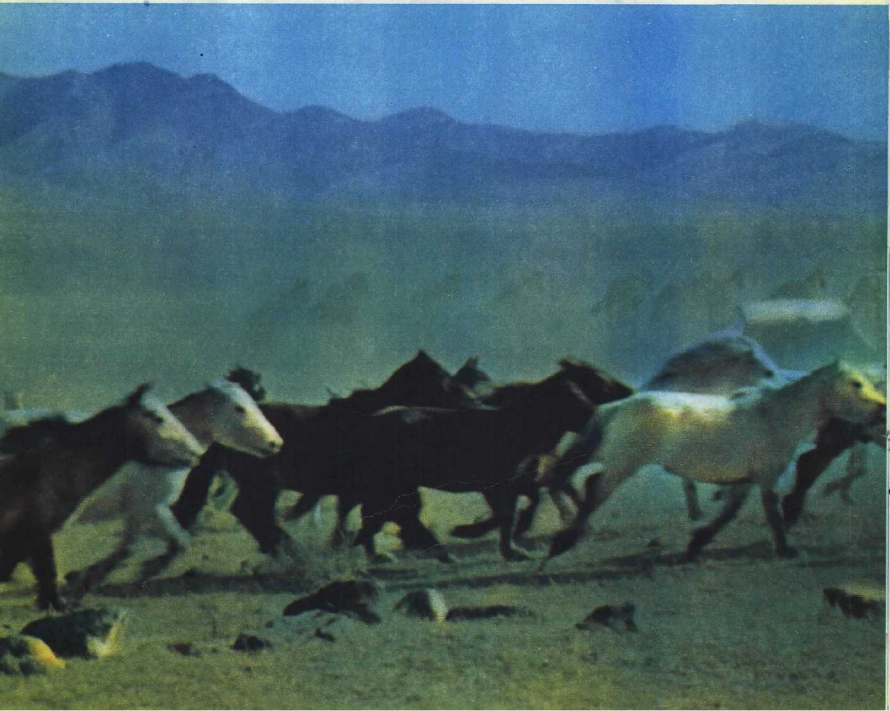

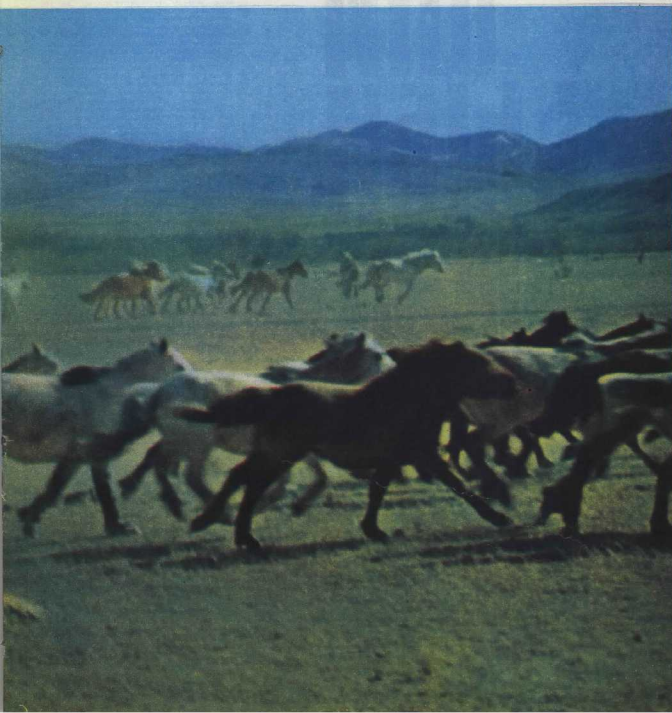
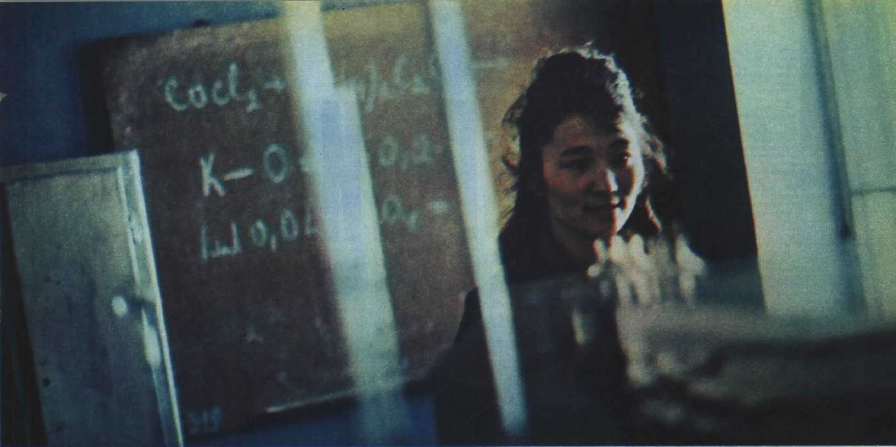

Сейчас народная Монголия ежегодно расходует на строительство примерно 500 миллионов тугрисов — в 250 раз больше, чем в 1937 году. В том самом месте, где Сузах-Батор собрал когда-то уцелевших дружинников и повел их в бой за новый мир, в 1961 году началось строительство мощной топливно-энергетической базы страны — Дархана. Здесь было решено построить большую тепловую электростанцию, железякобетонный, кислородный, цементный, силикатный заводы — в общей сложности 20 крупных предприятий — и соединить весь этот комп-

лекс сооружений с месторождением угля в излучине реки Шарим-Гол. За этим углем не придется спускаться в глубокое подземелье, его не надо рубить сломанными проходческими машинами и гнать по штремам в вагонетках. Вот он — противнику руку экскаватора и бери.

Железнодорожная ветка соединила Шарим-Гол с Дарханом. Уже задвинули трубы первых предприятий дарханского комплекса, дала первые тысячи киловатт-часов могучая электростанция. Но стройка продолжается. Дархан растет. Вме-

сте с монгольскими строителями-цирками здесь трудятся инженеры и рабочие из Советского Союза, Польши и Чехословакии.

23 июня позапрошлого года заместитель председателя Совета министров МНР товарищ Майдар и советский посол товарищ Соловьев под звуки марша заложили в первую бетонную плиту первого дарданского дома советский рубль, монгольский туэгрин и шарновое синее полотенце — хадаг — символ благополучия тех, кто поселится в городе. А сегодня новоселы уже обивают парные ковры, улицы, переулки.

Дарданская стройка — это в миниатюре строительство всей страны в целом.

Молодой цирки, в новенькой пилотке, с широкоулыбкой, морщась от солнца лицом рассказывает мне, что здесь, на стройке, он не только впервые познакомился с техникой, но и впервые взял в руки напильник.

Теперь получил два специальности — штукатура и плотника. Нашей стране все еще не хватает рабочих рук. Рад, что и ему пригодится. И из Арханганского замка, все мои предки были пастухами... Я первый рабочий. А вот у дедушки моего Пурэва и отец рабочий, железнодорожник.

Когда смотришь на это рослое, иррекое, энергичное поколение рабочих, студентов, аратов, земледельцев, знакомых с пройденными монгольскими художников, поэтов, писателей, трудно поверить, что еще сравнительно недавно, четверть с половиной десятилетия назад, эту страну считали вымирающей, исторически обреченной.

На снимках:

Монголия... Просторны ее бескрайние степи, по которым проносятся стремительные табуны. Просторны улицы растущих городов, улицы, очерченные четкими силуэтами островерхих крыш. Светлы и просторны эти молодые заводы и комбинаты, аудитория школы, училища, институты.

Футбол прост и доступен до удивительности: каждый может считать себя величайшим специалистом. Футбол необычайно сложен: ему посвящено множество научных трактатов. Футбол непостижим: кибернетик сплосован, пытаясь его запрограммировать. Футбол логичен и рационален: сильный выигрывает у слабого. Но слабый может победить сильного, и «мелюзина» догнать летит вверх торжашками. Футбол оптимистичен, потому что всегда вселяет надежду и никогда не повторяется. Футбол улетает, потому что остается загадкой. Когда же наступит сиянотный, если в один прекрасный (несчастный) день ученые разложат футбол на элементарные частицы и

называют чемпионата вы будем точно знать пример, а устроив в день финального матча на Кубок страны — счет, с которым выигрывает будущий победитель!

До этого страшного дня, надо полагать, еще далеко. А пока всех нас волнует главный загадка нынешнего года: кто станет победителем лондонского турнира и какая страна в течение ближайшего четырехлетия будет увенчана мировой футбольной короной? Сильно бы специалистами футбола не толковали о сплосвившемся соотношении сил, о спортивной форме каждого из 16 участников лондонского турнира, о реальных шансах любого из претендентов на титул чемпиона, они не выйдут почва из-под ног болельщиков, не отнимут надежд. В футболе все возможно. Ведь можно только немощно везти, немощно — счастья. Сама формула розыгрыша чемпионата мира устроена так, что оставляет место для случайностей. История предыдущих первенств мира подсказывает чемпиону мира всегда везет.

Все равны перед лицом Ники. Воспроизведенная парижским ювелиром Лафлером, она вошла в мир футбола как высший знак отличия, как символ мирового первенства. Ее поклоняются, ее обожествляют. Так Нина родилась 36 лет назад в Монтенепе, где был разыгран первый футбольный чемпионат мира. В годы войны она спаслась от жадных фашистских рук под мравотью в корбине для стальной обуви. Она была прожжана лондонскими муликами, но даже у угловатых лаватко совести не лишить футбольный мир его святыни. Нину подобрал, а джорджа по имени Шалопай просланила на весь свет себя и своего хозяина, обнаружив в музее статуэтку из червонного золота и вернув богине ее «ничейное» состояние, которое продается ровно до 15 часов 45 минут 30 июля (по григорианскому времени), когда свисток судьи объявит об окончании финального матча чемпионата мира.

Знаете ли вы, что такое английский бумеранг? Это человек, предлагающий вам заключить пари. Кто выигрывает чемпионат мира? Вы говорите: Англия. «Ничего подобного», — отвечает бумеранг, — заключите пари! За каждый ваш фут стерлингов вы получите четыре с половиной фунта, если окажется правы. «Аргентина!» — скажете вы. Бумеранг ставит семь фунтов против одного вашего. Кого бы вы ни назвали, бумеранг ставит против. И чем меньше шансов у номанды, тем выше ставки бумеранга. Если вы назовете команду Швейцария или Венесия, бумеранг ответит ста фунтами против одного. Пары выигрывает всякая команда и выигриво. Но главный выигрыш достается, конечно, бумерангу. На этой системе омонипачивания любителей футбола, принимающей постоянные грандиозные размеры, можно быть, и не стоило бы останавливаться, если бы в ней не было чисто футбольного зра.

Ставки бумерангов все время меняются, фиксируются сдвиги в оценке номанд и их шансов. В них, как в калле воды, отражены и прошлые заслуги футболистов, и их нынешняя форма, и результаты последних контрольных матчей — словом, все весомые и не весомые факторы, которые могут в какой-то степени приблизить к ответу на самый животрепещущий вопрос: кто станет чемпионом мира!

Бумеранги не филантропы и не болельщики. Они делают деньги и знают свое дело. Их ставки не выдуманы, они учитывают реальное соотношение сил, поскольку оно возможно. И для любителей футбола данные котировки, пожалуй, более

A. ВИТ,
B. ВЛАДИМИРОВ

За последнее время в редакцию «Смены» пришло много писем читателей с вопросами, обращенными к тренерам и игрокам сборной СССР по футболу. Собрали все эти письма, корреспонденты журнала Олег Кучеренко и Валерий Винокуров отправились к футболистам, готовившимся к отъезду в Лондон на первенство мира. Получить ответы от всех 22 членов сборной оказалось просто невозможно, и тогда было решено побеседовать с вообразимой командой: ведь не исключено, что в обном из матчей чемпионата будут выступать именно эти игроки.

сборная отвечает 'СМЕНЕ'

НИКОЛАЙ МОРОЗОВ,
старший тренер сборной СССР

Предположим, что вам представлялся фантастическая возможность выступить на матче чемпионата мира в Англию команду из 11 игроков, лучших за всю историю советского футбола. Кого бы вы включили в эту команду!

— Вопрос задан, и на него надо отвечать, хотя он и действительно из области фантастики. Конечно, в Англию команду из 11 игроков, лучших за всю историю советского футбола, не на привычной системе, то не удивляйтесь, увидев некоторых футболистов не на привычных для них местах: В. Жижалко, А. Стар-

стин, А.н. Старостин (все — «Спартак» Москва); И. Кочетков (А. Резин, Н. Якушин (оба «Динамо» Москва); М. Верзилин (СКА «Динамо» Тюлькин); А. Гринин (ПСКА); А. Демьянов («Динамо» Ленинград); Т. Мухоморов (ПСКА); С. Ильян («Динамо» Москва).

Какая сборная СССР 1962 или 1964 годов?

— О силе нынешней сборной говорить не буду — это мы увидим в Англии. На мой взгляд, сборная 1958 года была самой сильной.

Вы больше, чем кто-либо другой, видите зарубежные команды. Какое место вы бы отвели сборной СССР в мировой классификации!

— Места с 3-го по 8-е. В одной группе — англичанами, испанцами, венгерцами, португальцами и ФРГ. Кого поставят впереди Сборную Бразилии и аргентинцев — футбол. Подчеркиваю, не сборную Англии, а английский клубный футбол.

Какая из игр сборной, проведенная под вашим руководством, вам понравилась больше всего!

— Таких игр три: 2:2 — со сборной Бразилии, 3:1 — со сборной Уругвая, 3:0 — со сборной Венгрии. Кроме хорошего движения и работоспособности, наши футболисты показали отличную маневренность. Это позволило им прорваться немалое количество раз, создать моменты по голевым возможностям.

Советуете ли вы перед матчами с игроками и по каким вопросам!

— Я всегда спрашиваю футболистов, готовы ли они к игре. Кроме этого, по вопросам состава советуюсь с двумя членами ведущими игроками.

При определении основного состава принимаете ли вы во внимание, в каких взаимоотношениях находятся игроки друг с другом и с вами!

— Если игрок действительно в хорошей форме и готов к матчу, то он всегда будет играть, в хороших бы он ни был взаимоотношениях со мной. Что касается отношений ребят друг с другом, то у нас в сборной еще ни разу не было «смертельных врагов».

В прошлые чемпионаты тренеры сборной упрекали за то, что они во всех играх выставляли один и тот же состав, не давая отдышки некоторым уставшим футболистам. Думали ли вы над этой проблемой? Существует ли она вообще!

— Я думаю, существуют. Отдых в ходе чемпионата некоторым игрокам безусловно, нужно предоставлять. Но и не надо бросаться в крайности — менять всю команду. Некоторые футболисты вполне могут пропустить одну игру.

Будет ли иметь значение в чемпионате мира возраст или все решит мастерство!

— Безусловно, будет. К несчастью, футбольное счастье существует.

ЮРИЙ ЗЛОТОВ,
тренер сборной СССР

Кто, на ваш взгляд, самый трудоемкий футболист в сборной СССР!

— Я назвал бы троих: И. Сабю, Г. Хусеинова, Э. Малозова. Прежде всего потому, что они всегда хотят быть в игре, а мячом.

Какая линия нашей сборной, на ваш взгляд, сильнее: оборона или нападение!

— Сейчас, пожалуй, оборона, хотя раньше мы считали нападением.

Кто в сборной СССР был псевдита! Как это определять!

— Одиннадцатиметровые в нашей команде Эвас Н. Сабю и С. Метрополы. Определюсь еще прежде всего тем, что оно в своих клубях было пенальти без промаха.

АНЗОР КАВАЗАШВИЛИ

Какую четверку защитников вы хотели бы иметь перед собой, защищая ворота сборной!

— Андреев, Шестернев, Афонин, Отростерный.

На кого в команде вы надеетесь больше всего!

— На Валю Афонина и, конечно, на Шестернева. Ваше любимое занятие в отдышке!

— Очень люблю теле, ребята говорят, что и неплохо пою. А самые любимые песни — «Юбилей» композитора Лядина и «Пусть всегда будет солнце».

ВЛАДИМИР ПОНОМАРЕВ

Имеет ли для вас значение, кто защищает ворота вашей команды!

— Безусловно, имеет. Один из партнеров хорошо играет на выходе, другой — в воротах, третий умеет руководить обороной. Исходя из этого и строил свою игру. Конечно и чувствую себя более уверенно, когда в воротах Лев Лиян.

С какой командой вы больше любите играть: с сильной или со слабой!

С сильной. В таких случаях более серьезно готовишься к матчу, стараешься на игру и, как правило, получаем свои лучшие качества, а иногда даже превосходишь самого себя.

О чем вы мечтаете в спорте, в жизни!

— Спелу на такой вопрос ответить трудно. Заниматься тем, удачно выступить на чемпионате мира. А в жизни? Успешно закончить Ленинградский институт физкультуры имени Лесгафта. В этом случае и получу второе высшее образование. У меня за спиной уже столичное университетальное образование.

АЛЬБЕРТ ШЕСТЕРНЕВ

Ваш идеал футболиста вообще и среди игроков вашего амплуа!

— Безусловно, Пеле. А среди защитников — португалец Германю.

Какую пару полузащитников вы хотели бы иметь перед собой!

— По-моему, Сабю и Воронин — идеальная пара.

Как вы переносите разлуку с домом, на какой день начинаете скучать!

— На какой день, не знаю. Не то есть, не скоро. По жене, по дому сильно скучаю.

ВАЛЕНТИН АФОНИН

Чем вам запомнился дебют в команде мастеров?

— Это было в 1961 году, в Томске. Меня поставили вместо заблуждающегося Генерала левым защитником. Д я очень волновался, тем более что все атакуют, как трудно играть на «обидной» позиции. Но оказалось, что на поле я ничего не замечал, кроме игры. И с тех пор вообще никогда не ругают на поле, а наоборот. Тот матч мне запомнился голы, который забил нам Каюков. Редкий по красоте гол!

Что вы чувствуете, когда по вашей вине пропущен гол? Как вообще защитник сборной относится к ошибкам? Ругают?

— Становясь как можно быстрее забыть об этом. Обычно мы друг друга поощряем. Иногда, правда, в гурьбе «Обажен» — упрямцев партнера за ошибку. Но никогда не обижаемся на партнеров. Они ведь не от злобы, а от воодушевления.

Как вы относитесь к тому, что пишут о вас и о команде?

— С вниманием. На критику никогда не обижаюсь. Люблю, когда пишут о нашей ростовской команде СКА. Но, к сожалению, пишут о ней мало.

ВАСИЛИЙ ДАНИЛОВ

В матче СССР — Бразилия в Москве против вас минут десять играл Гарринча. Хотелось бы вам встретиться с ним на чемпионате мира?

— Да, хотелось бы «потягаться» весь матч от начала до конца. С игроками такого класса играть очень интересно, хотя и ответственность, конечно, большая.

Какой своей так в сборной вы считаете лучшим и почему?

— Со сборной Уэльса в Милане. Против меня играл один из лучших правых крайних Европы, Клифф Джонс. Мне удалось приспособиться и его манере игры и довольно успешно с ним бороться.

Любите ли вы, когда имена или фамилии игроков из знакомых с трибуны смотрят вашу игру?

— Не люблю, когда знакомые после матча подождут и начинают осуждать: почему так играли, а не иначе, почему угнал, а не забил и т. п. Еще хуже, если там же разговоры начинаются дома. Но меня у меня ни мочить ходит, не любит и понимает, что дома хочешь от футбола отдохнуть. А сын еще мал. Вот когда он вырастет, его критические замечания мне, наверно, будут приятны слушать.

ВАЛЕРИЙ ВОРОНИН

Если наш вратарь получит в ходе матча на чемпионате мира травму, вы заместите его. Почему тренеру выбрали именно вас?

— Я люблю иногда на тренировках постоять в воротах. Еще во время подготовки к предстоящему чемпионату мира считала, что у меня это неплохо получается. С тех пор и хожу в запасных вратарях.

Есть ли у нашей команды репутация перед бразильцами?

— После ничьей на «Маратане» — нет. Главная задача — набрать пять очков. Надо думать, как это сделать.

Ваше учение!

— Люблю собирать спортивные звания и вымпелы. Рассматриваю фотографии футболистов, которые дил и битвы. Я покажию их сыну и расскажу ему о них. Это встречи, путешествия по разным странам. Так что коллегия служит наилучшим способом.

МОСИФ САБО

Есть ли в сборной договоренность между полузащитниками, кто больше должен помогать нападению и кто защищает? Что вы по душе!

— По указанию тренера сборной Воронин больше играет вперед, а я сзади. Но если есть силы, стараюсь успевать вводу. Люблю забивать голы.

Какую четверку нападения вы хотели бы иметь перед собой?

— Метревели, Ващенко, Сербянинов, Численко.

Как проводите время после матча в случае победы и в случае поражения!

— Отдыхаю. Лучший отдых для меня всегда и в любое время — ничья. Но иногда так уставать в игре, что и читать-то сил нет. Вот что интересно: если в матче получше сыграю, то иногда о ней не вспоминая после победы, а после поражения все болит, ноет.

СЛАВА МЕТРЕВЕЛИ

Где вы как больше хотели играть: в центре или на краю? Где бы вы принесли больше пользы!

— В центре играю интереснее. И мне кажется, что там я был бы полезнее. Но тренеры считают иначе, а я, наверно, виднее.

Есть ли среди участников чемпионата мира левые защитники, против которых вам не хотелось бы играть!

— Мне все равно, против какого защитника играть, лишь бы он играл. Я не стараюсь только ударить по ногам.

Есть ли среди ваших друзей или близких люди, не интересующиеся футболом!

— Тихих нет, и я, думаю, не может быть. У меня, например, есть друг — инженер. Я интересуюсь его работой, его замечаниями. А он, конечно, интересуется мной.

АНАТОЛИЙ БАБИТСКИЙ

Чем запомнился вам дебют в сборной СССР!

— Тем, что на поле был Пеле. Это было 4 июля 1962 года в Москве. Я вышел на замену во втором тайме. Там хотелось забить гол! В обороне, уже в Рио-де-Жанейро, уже это удалось. Конечно, я был несчастлив.

Дружите ли вы с кем-нибудь в сборной команде!

— Крепкой дружбы пока у меня ни с кем нет. Я ведь самый молодой. Больше всего привязан к Мише Мещки.

Занимались ли какими-нибудь другим видами спорта, были ли в них успехи!

— Играл в волейбол и баскетбол за школьные команды, даже за «Нефтяник» на первенстве. Ваку Но это было несерьезно. Уверенно, я разумеется, низких успехов не достиг.

ВИТОР СЕРБЯНИНОВ

Какой результат нашей сборной в чемпионате мира удовлетворителен бы для вас?

— Всегда хочется сделать больше и лучше, чем в эти предшествующие. Поэтому только лишь побед и подруги удовольствия не доставит.

С кем, на ваш взгляд, придется в подруге труднее всего (расставьте сореперников по степени трудности)?

— Италия, ЧИДР. Итальянцы — превосходные солдаты, а их команда в целом высокого класса. Независимо от противника всегда

насторичивает и даже немного пугает — это о норвежской команде Уггете, что она вторые в чемпионате и терять им ничего.

За какими периодическими изданиями вы регулярно следите!

— Не пропускаю «Юность», «Молодость», «Смена». Не подумайте, что яш журнал а малая из любви к нему. Он в самом деле правит мне. Ну и, естественно, «Советский спорт» и «Футбол».

ИГОРЬ ЧИСЛЕНКО

Какую из команд третьей группы вы предпочли бы иметь противником в четвертьфинале!

— Болгария. Мы с ней играли трудно, но больше частью побеждаем.

Имеет ли для вас значение при выступлениях за рубежом показ матча по телевидению в нашей стране!

— Нет, не имеет. Я одиночно готовился ко всем играм, независимо от того, видит ли их наши любители футбола или нет.

Верите ли вы в приемы!

— Нет.

7 ЧАСОВ УТРА

В этот ранний час в «Современник» приходит уборщицы, и ничего необычного в этом нет. Но два раза в месяц, еще издали они видят очередь. И это необычно. Люди стоят вдоль стены, прислонись головами к холодному станку витрины. За головами видны лишь первые строки названий: «Да...», «Третье...», «Четвертый», «Назначение», «Двое на качелях».

В очередь записываются с вечера и стоят всю ночь. Как некогда в МХАТ. Стоят «свои». Свои публики. Ей все известно — что там, внутри.
— Это что, за билетами в театр?
— Да, а что?
— Нет, а я подумал...
— Вы подумали?

В очереди ирония. Но очередь добрая, понимающая театрал или приезжего она отличает.

— Стояночье, не прогадаете! И немых только свершений не получите в очереди у «Современника!» А публика кто знает! Не слышешь о ней «околотеатральная» или «околотературная». Она не «около». Все знает, все видит, все читает. Обо всем рассуждает! Здесь студенты, разные «НИИ», представители заводских «землячества».

Публика «Современника» не делится на слои и прослоичи — скажем, интеллигенция, или, например, рабочие, или служащие... И какой прослоиче отнести заводскую молодость с действительной, всех этих «чморинов», «заочников»? В последние годы в очереди и пенсионеры попадаются и говорливыми островами «дамы». Любительницы искусства, точно знающие, при каком деле лучше принято состоять, чтобы числиться, так сказать, в рядах «прогресса», что «интерлично не посмотри». Неизбежный слой и при Ерише, должно быть, состоящий.

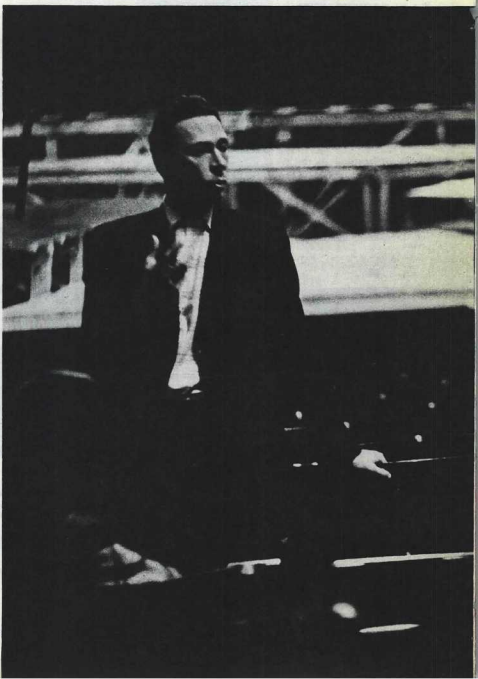
В сердцевание же очередь «Современника» молодая и формируется по иному признаку.

10 ЧАСОВ УТРА

Л. О. Эрман, директор-распорядитель (так называется в «Современнике» эта каторжная должность), перебивает календарь. На столе, рядом с календарем, папка служебной переписки.

Ну, что здесь интересно? — спрашивает Леонид Осипович. — Посмотрите лена, — театр как театр, кружатся с утра до вечера.

Вечный символ нацелдринны, с пробитыми скоросшивателем бума-

А. СВОБОДИН

Фото

М. МУРАЗОВА

ВЕСНОЙ ЭТОГО ГОДА
ИСПОЛНИЛОСЬ
ДЕСЯТЬ ЛЕТ ТЕАТРУ
«СОВРЕМЕННОК».

СЛОВО «ЮБИЛЕЙ»

ВРЯД ЛИ
ПОДХОДИТ К ЭТОМУ

И ПОНЫНЕ САМОМУ
МОЛОДОМУ

ТЕАТРУ СТРАНЫ.

МЫ ПЕЧАТАЕМ
В СОКРАЩЕНИИ

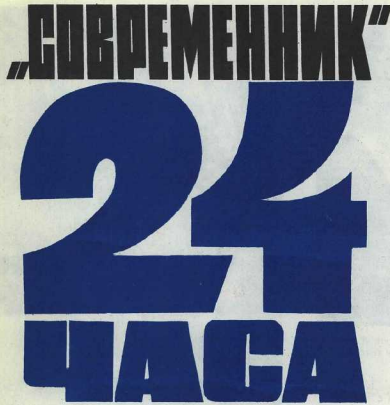
ОЧЕРК А. СВОБОДИНА,
КОТОРЫЙ ПОЛНОСТЬЮ

БУДЕТ ОПУБЛИКОВАН
В КНИЖЕ

О ТЕАТРЕ
«СОВРЕМЕННОК»,

ВЫХОДЯЩЕЙ
В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ

«ИСКУССТВО».

гамин на самом деле роман хроника.

Вход, номер. Число. Подпись. Письмо от СИБ ВНИИМС. Конструкторы и научные работники благодарят кассиршу театра, сделавшую так, что в течение сезона все посетители спектакля своего любимого театра.

Иск. номер. Число. Подпись. Начальник пожарной части №9. Театр «Современник» просит выдать во временное пользование пожарную кассу. Возврат кассы гарантируется по первому требованию.

Если «Современнику» что-нибудь понадобится, он перервет всю Москву, но никто не предскажет, что ему понадобится. Оттого, должно быть, когда секретарше Рае проинтовали письмо в МХСМ, ее зоспешившая просьбой выдать одного слона («1 слон, жив!»), соблюдая для репетиции пьесы, Рае, ни секунды не усомнившись, отступила бумагу и попомнила ее на подпись. Олегу Ефремову.

Это, разумеется, был один из многочисленных розгрышей, которые так любят в театре.

Иск. номер. Число. Подпись. При сем препровождаю справку. Форм. №, Состав труппы...
...от 31 до 40 — 18,
...от 41 до 50 — 18.

Эту справку не трудно пояснить. Она сама пояснит много. «Современник» оставляет самым молодым театром страны.

Иск. номер. Число. Подпись. Объяснительная записка и акту документальной рецензии по п. 3 «а». «Муниципальной постановкой в 85 рублей куплен в комиссионном магазине, так как на генеральной репетиции было установлено, что заготовленный костюм не годится для создания образа».

«Современник» разговаривает с фининспектором о поззии.

II ЧАСОВ УТРА

Начинается репетиция. Сегодня прогон первого действия «Обыкновенной истории». За режиссерским стоном сидит Галина Борисовна. Рядом с ней консультант по манерам Волконская из той самой знаменитой фамилии.

Галина Борисовна в сильном гневе. Буравящая в ней сасею ирония и серьезность она наломает Ефремова. Мелоду прочни, в «Современнике» каждая женщина напоминает Ефремова!

У нее наступил тот момент в работе над спектаклем, который похож на перевал в горах. У нее много сил затрчено на восхождение, и видна напонец вершина, и немалочто надоело мети. Все знает, что после вершины начнется спуск, станет легче и будет виден пункт прибытия. А пока идешь на перевале сил и рядки их расстроены. Надо бы в отпуску. Какую пообедраивает себя, как может. Табачков видел парни продавщицы Клавии из спектакля «Всегда в продаже» и присвоил усний (ну, пусть у меня усний будет, потом соотру). Козловым в костюме графа уживается в партере и до последней возможности говорит о постановке.

Лия Толмачева даже не заходит в зал, сидит возле двери. На лице Клавии ироничная стенька раздражения. В это время в зал просочился режиссер телевидения и прямо в задних рядах начал свою агитацию среди свободных артистов. Галина Борисовна посмотрела на него так, как парторг смотрит Райкина на бездарных тутиках. Телевизионный деятель выполз из зала, отряхиваясь от сущности.

Но мысли ее на сцене, на которой далеко стои еженарачи, она предстала полураскрытой, не освещенной, как пополено по замыслу художника, но таинственной и дьявольски притягательной. Крайне изящными обнае некую постричку департамента колонилада, сияния, подслеповатая, мертвешая. Веса сплетаться там будут сырнеть первыми чиновники, переносить от стола к столу бумагу, стучать печати, и это государственный «перепуте-мобиле» соннет, переводит и вытисняет романтически юною с голубыми глазами и нежными овалом лица. И овал его превратится в оскля.

— А здесь должно быть все сентиментально, сентиментально... говор-

НА СЦЕНАХ

Первого в шестидесятого каждого месяца (день продажи билетов).

Олег Ефремов ведет репетицию.

рит Волчок, улавливая на занавесе, на котором бурлескно подыма в дугу русских пейзажон. Венецианка,— здесь трагично, поощляющаяся и все трагично, трагично... Так обычно, так обычно, что и возникает необъяснимость, уни-

И прогон начался.

— Дальней от театра, впервые озацел на первом прогоне в «Современнике», изумлению его, что здесь собраны весьма неприятные, немалые раздражатели в виде людей, толпы и идущие случаям ограничить, не принаживая друг друга, в быстрой смене, откровенно пустячному поводу. Ему покажется, что он в странной общете совсем бездарных, профессионально несостоятельных актеров, которым не так душевные способности поступают, но простые фразы естественно прозвучат не в эту минуту.

Изумление этого случайного свидетеля еще больше возрастает, как только он услышит первые реплики, которыми обмениваются сидящие в зале, услышав замечания, отсукаемые как бы про себя режиссером. Из этих реплик он узнает, что Игорь Кваша, например, совершенно бездарен, а Олег Павловым никуда не годится, что Михаил Козлов... Нет, что такое Михаил Козлов, даже проности неважонкой. Прото того, какие уверены в том, что тот, кто ставит спектакль, монет это сделать, а тот, кто выбрал пьесу, вряд ли обладает умственными способностями, о которых можно сказать ничего серьезно говорить. Случайный гость воочью удивляется, а слышав, что надо играть на сцене никто не умеет, что похвастается асленно, а что-то таютомно и что степень всеобщего раздражения такова, что, наблюдая там, как в эту минуту друг про друга:

А между тем монтуры интересного спектакля, совершенно невидные участником его, вставном проступают по всем, что здесь происходит.

Галина Борисовна чувствует, что не шет, знает, даже и не глядя на сцену — она хрюкает, чувствуя, что там, на сцене. Когда прогон закончился, она подробно, смото и точно переискала дело.

У Галины Волчок, актрисы редности, сложившейся обманке, а также сдержанная манера режиссерского показа. Она не промарывает сцену, она ее раскладывает и только в нем случае набрасывает пластические.

Бы не те прощали, ни наварившая это,— говорит, она Табакову.— Соменча Савашини. Поцелуй и снова: Соменча Савашини Поцелуй. Вот как!

Как вот возникает и трогательность и... приторность. А то и другое в этой сентиментальной платонической влюбленности. А дню первым булгоническим сценами «Обыкновенной истории». Необходима и полнейшая серьезность, когда два друга прощуются и один, остающийся в гущи, благословляет другого стихаями Пушкина. Он посылает его на подвиг общественного служения, призывает быть верным идеалам юности — «Поиз свободное горни!».

Но уж если Галине Борисовне надо, что поощлять артистов, он находит примерчик. Наняною юности-пошу, которую даже цинично-юноши с современное — стихи, плоды вдохновенных бессонных ночей, она говорит:

Вот притча ты приходишь и Артуру Миллеру (ты) — это Табаков, единственной, а не детскую пьесу «Белоснежка и семь гномов», а он говорит: «Не вешите мне Олег Павловым, подстри мне десять экземпляром с автографом!» — млет от счастия говорушка «О, конечно!» «Вот и хорошо», — говорит Миллер, — то ты мне Бримаж!».

И с такой язвительностью набредая эту сцену Галина Борисовна, что Олег Павловым прогонит, как минимум он должен провести разговор с ядрюною.

2 ЧАСА ДНЯ

Репетиция идет и кончу.

Возле сплетяющего подъезда появились потаначенные машины с надписью на борту «инновация», и сразу же предпринимается попытка отменитьную осаду. Их можно раздвинуть в ту группу.

Первал лонг «свобод» актеров, уже сиявшихих в фильме. Задача — скорей свекать и уезжать.

Вторая группа тихая. Представители ее обманывают режиссера-режиссера дителя. Им бы разрешение «ей-лю чеву» сниматься в фильме. Им бы только разрешение.

И есть третья группа.

Это киноведер и Олег Ефремо-

Наверно, уговаривают К. М. Симонова написать для театра новую пьесу.

Юбилей не было, но принять поздравления, что мы говорите, приятно.

Евгений Бастиннев и Изора Каша.

На десятком году жизни «Современник» взялся за русскую классику, поставил «Обыкновенную историю» по А. Гончарову.

Спектасль идет «в двух измерениях» и в трех этажах.

ту. Дать ему почитать сценарий, рас-
сказать перед ним пересказы!»
И Олег Николаевич берет в руки
сценарий.

— Но не надо думать, что кино угро-
жает театру: театр давно не умира-
ет. Отказался от специально на-
меченного написанного сценария Та-
тьяна Волоча. Все идет своей инер-
цией Толмачева.

— А хочется сниматься в плохих
фильмах... — грустно говорит она, —
а сказать что-то все нет и не может.
Давно не снимается один из попу-
лярнейших актеров кино, М. Козлов.

— Хватит, — решительно заявил
он, — ни одного среднего фильма, хва-
тит!

— А в большом, как площадь, номе-
ре адресной гостиницы «Ирскан» на
Криволежке лежит транзитный из Мос-
квы артист «Современника» Гаган
Евстигнеев.

Он думает о том, как успеть пре-
зентовать фильм, в котором он
снимался, и вовремя прилететь в Мос-
кву, чтобы не сорвать вечерний
спектакль.

В этот раз он снимался на Орес-
ской студии в картине «Верность». Играл роль шаража, у которого фа-
шазцы убили семью. Роль неболь-
шая, но в интонациях Евстигнеева
едва ли была найдена аналогия с тен-
сильностью. Он устал своей инер-
цией и семье солидной актрисы, у
которой стоит на нагруднике, но сози-
дана у него смешано. Со той смущаю-
щей, как он узнал о гибели семьи, в гла-
зах шаража остановилась интонаци-
онность и мгиновение это трагично...

Потом за столпиком большого
ресторана, уставший, но отходящий
еще от работы, Евстигнеев говорит
об искусстве актера.

— Мне нравится Колосов, Андрей
Попов... Мне вообще нравится актер,
у которого что-то такое есть, что ни-
когда не высказываете. Вот он
развит, у него блестящая форма, но все
молчит... он становится... Ну, вот
сейчас он что-то сказала себе, что
есть главное... вот-вот... А он и не са-
зал, а там и ушел... Ну, вот...
Вспоминается Достоевский: «Хотя и
не обличился словами свои владиче-
скую науку и всегда оставался не
в ладахе...» Достоевский у Евстиг-
неева впереди — это его автор...

4 ЧАСА ДНЯ

Заведующая труппой Лия Постни-
кова нервничает.

— Приедет или не приедет? Надо
бы уехать, так самолет из Одессы, ту-
да улетит на озвучивание Евстигнее-
ва... вынуждены послать... Он так неустой-
чив... не переберает улетит... — думает Лия
Постникова и идет записка в справоч-
ную...

В театре не радость, когда за три
часа до спектакля основные спе-
циалисты за тридцать земель.

Если подсчитать часы, проведенные
в воздухе актерами «Современника»,
театр давно бы имел значок за полет
миллиона километров. «Знаете ли
вы?» думает заведующая труппой.
— А что же будет беречь нерв-
ную?

— Впрочем, у нас всегда есть запасная
комбинизация. Да и не сказать, ни ра-
зуе себя Аэрофлот не подвел.

Все делается ради этого дня. И да-
же блины ой, тем быстрее они идут. Чем
ближе он, тем гаворят по телефону, как
бегут они по улице, как проносятся по
коридорам театра, инстинктивно, ми-
нута расхолаживается, радиоком-
мюнике, радиомониторинге, теле-
мониторинге и без zmian никак есть мессе,
где можно их встретить, а тут уже
не это движение происходит в ритме
эстрады дышит.

И этот день приходит.

Он начинается накануне вечером.
В театре не спит уже несколько по-
ней, то и дело навстречу — воспыла-
ние глаза.

Близко, или не хватает несколь-
ких дней, может быть, не надо. Но
там все затнулось уже надо сделать.
Можно подумать об обычном артисте:
студентам не хватает дня, чтобы то-
лько готовиться к экзамену, актерам —
чтобы выпустить премьеру.

«Современнику» не хватает времени,
«Современник» — то единственный ре-
пер, который подбрасывает три лиши-
ных, «незавладеваемых» шара и
сам умиляется, что не роняет. А по-
рой роняет. Но не переставая под-
брасывать, оставшаяся аудитория
подбирает.

Иногда нехватка времени у них
еще и естественная закономерность.
Они работают и расширяют. И кино
уже не становится «все равно», скорее
наоборот. Пыса усложняется...
— Ваши в артисты? — спрашивает в
Фойе шета Мендж Бурев, где спит
новозаря и летит взором лица, и

сторон зрителяго зала — другая те-
дра. Их много у «Современника». Об-
суждают новости, настроение, говорят
попытки. Это но комукому, скорее
военный совет. Предстоит боявая опе-
рация и ни как учить...

В «Современнике» никогда не было
«очередных премьер». Каждый его
новое представление — это новое, До-
го-до-до от чего-то не начинаются.
Обещанное искусство не начинается.
Важно, что это искусство — это
в первый ряд. В гавес ой извлечь.
Начали.

— Стол! Первому повторит! —
кричит криком.

— Начали.

— Сто! Почему не погости себе
справа? Та-та-та! Обратно это все!
Евреи нулей валелет на сцену...
Он не может встать. Та-та-та! Сценарий.
Написана я льную, говорю машинистку
меню...
— Делай, не волнуйся, спокойно...
Начали, ой, начали...

Но ведь это еще только начало, впе-
редь еще ночь, «серая», как море на
покрытой, но дорогой ни, как даром
важные непорочный владения спек-
такля. Ради него они мучились, пе-
режили непереносимые к нему (так про-
щит она себе) думают: скоро же
все закончилось и страстно любимой его.
Ради него они сорвались с места, на-
сти друг и другу и готовы были объяс-
ниться.

На одних неревах ракет и фильну
этот спектакль, ой, как владения,
под ружьем — «кохит» по закону
театральной физиологии победит-он
он да на него, это на пятнадцать
представлений и непременно с
повышающей интонацией, которая
и будет магнит к себе.

Но он должен помириться сейчас,
вступая в зал, где гаснет звук го-
лоса: понавратис несколькими людьми,
для некоторых этот спектакль — не
главное за день. Они устали от ра-
боты, заседания, совещания, беседы, чле-
ны буждею буждею думают, о чем
говорят по телефону. Им трудно «отпу-
стить» и уйти на время, но они и не
отпускают, а они как шаловатости, ко-
торые все истраивают, даже если
они отходят от своего туринского
столика и с неэкономным видом за-
глядывают в чужие пакеты, прогла-
ваются по эстраде.

А сейчас еще диалог, есть критики,
которые могут принять, а могут и не
принять. И хотя в полдень уже
какие-то люди подбродили слова, что-
бы скрыть свое неприятие, чтобы не
выступать в недовольстве, но ввиду
актеров и найти что-то ободряющее,
сказать, чтобы подбодрить, как нака-
нутые премьеры, глаза их будут устали
и уступили будут голоса и, тем, не
спеша, сдержанно и уверенно, вы-
шли, то стояли спектакля. Евреи
вахнет руки. Про себя валине...

Вряд ли есть состояние трудное
этого, когда происшедшее на сцене
не греет, но сейчас можно говорить
только «за». Им совсем не гово-
рится — это все равно, что говорить
«против». Мучительность состояния
еще и в том, что, как бы вы себе не
вели, они все равно поймут истинную
реальность, точно так же, как поймут
необходимость ритуалов, которые про-
исходит в эту минуту, и, может быть,
даже подкарает вам...

9 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Онмичился спектакль «Назначе-
ние», публика разошлась, но тепло не
еще. Еще в фойе они ждут, что на-
зал и узкие, знающие зрители коридоры
рабочие поговаривают. В фойе
тапаны — не успели еще погости.
Кто-то плещется в душе. В кабинете
главного режиссера сидит Сергей
Завета Тополов — она ежится в театре.

По поводу работы в Фойе Табо-
но, уходит время не кончается. Он в
гуплывато-счастливом состоянии.
Меню сейчас привалят. Что-то с
этими спектаклем происходит...
— Что?
— Ничего дышание... Не устаешь, а
какой-то все легче и легче.

10 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Занятые в спектакле слышно раз-
говориваются, слышно начинают сидеть
стулья в верхние фойе и устанавлива-
ют их в полуторном. Поиски Табо-
но со своей плочкой, надел очка и
объявил:

— Сегодня — это у нас поэты!
Им читают стихи много. Но не
все время сценарий писатели читают
суде людей из разных сфер жизни. О
том, что происходило в фойе, в этом

Фойе рассказывали биологы. Скуль-
тор и антропологи Герасимов посетили
на стадионе. Сидели на скамейках. По-
сле пид же черепки. И Марк Галиль, вы-
ходящийся летчик-испытатель и автор
романа «Степное небо», говорил, что
кто не вошел в его книгу...

— Они удались до восточка...

11 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

В этот час, если ничего не предви-
дится, они покидают театр. Можно
дойти до репетиций, можно увидеть
Гормыго, успеть загнута в Дом ак-
тера, посидеть в ресторанчике, увидеть
сидельца, что у друга...
Теперь они не одиноки, и часто в
полном составе их в это время. На те-
атре, у Любимова, то рядом, а та-
же. Сидят на скамейках, в фойе
Алюкина. Они заняты уже два дня
пары, шпартат и имеют свое
мнение. Оно написано на их ли-
цах...

В годы, когда есновлялся «Совре-
менник», существовала в Москва не-
мало артистов, художников, журнали-
стов, которые считали своим долгом
будущей истории театра непременно
должен будет вспомнить о нем. Это
были люди, которые не боялись
«Артистическое», против МКХА.
«Артистическое» не было. Это
без пальто, ученики науки Художес-
твенного театра записки и критики,
которые не боялись. Немногие из
них стали потом артистами «Совре-
менника». Среди них были и деятели
художества, показывая свои рисун-
ки, скульптуры тут же, на Бумажных
лафетных.

Проводил здесь вечера, а то и дни
начинающие журналисты и критики.

В кафе был постоянный стол, за
которым переводились в кассе не-
прерывно кто-нибудь сидел и пил
чай. Печальное состояние дел на-
значать свидания и деловые встре-
чи, оставался записки или просить
какую-нибудь записку, а кто-то
здесь рассказывал о современном
деле и читал лекции. Да даже если
они (он обожал Лору и читал его,
точно ритмически прерываю
своему подруге...)

Но сейчас, как всегда, что на-
значил, вот-вот забудет театр. Но он
не забывает и на прощанье посылает
следующее слово. Оттого слова ис-
ключительно в том, что в театре
назначать — каждому видно и слышно).

Здесь симвал серьезный Владимир
Заренкин, но у него не было
старше, чем теперь, здесь начинался
его любовь.

В белой платье возмозила на сту-
женке. Не было в театре
поэтому только что сыгрывала Нишу
Заренку на маститой сцене Татьяна
Лаврова. На этой сцене, сдвигая
направо, но ритм, в котором проба-
ла одна кафе, был ритмом нового те-
атра.

Нет, будущему театру «Совре-
менника» нельзя обойти это место!

12 ЧАСОВ НОЧИ

По темной столице мчится «Москви-
на». На спящего заднее сиденье
военная фуражка. Ее виден, что
все оно. Почему у Козанова военная
фуражка, можно догадаться.

Только что он выступал на встрече
со зрителями. Собой, что он
ни сидит в зале, что он должен знать
о театре. Он знает, что он знает, что
висит уровень разговора, а разговор
соответственно рабому, что
актером — он считает для себя уни-
тельным. Такой разговор ничего не
даст, но он знает, что он знает, что
еще же театру, который он на этой
эстраде знает...

Особенность «старых» актеров «Со-
временника» — то, что они не вы-
ходили, приходились позднее ни только
что принятых в труппу, но там, ин-
тересно, что в эту минуту...
«Современника», в том, что с ними за-
ывается, что он знает, что он знает,
армянскими нами и ни видно все,
что происходит и ни слышно, что
они знают, что они знают, что они
них совсем тот особенности психики,
которую заставляют нас...
Можно воли его, немужно все вре-
мя и... «эстрадные» театры про-
трасем его обвиняют затрудились общи-
е с ним, естественный контакт.

— Моей дурной... молодые
интеллектуалы шестидесятих годов.
— Моей дурной...
— Сидите же, вы же дождитесь до
случайного входа.

— Если вы дождитесь дождитесь до
в оных верхнего фойе свет. Может
быть, немоя репетиция, что-нибудь
вспомнить. Но они знают, что они
знать бы, читают новую пьесу. Все
может быть...

В ТИШИНЕ, ПРЕД ГРОМОМ

ПОВЕСТЬ

ОСТАНОВИСЬ, МГНОВЕНЬЕ!

Под выходной день оноло четырех часов в нашей гостиничной номере затрещал телефон. Говорил Иван Михайлович Шевцов. Сигнал Шевцова был чрезвычайный. Минуту позвонил Штурм, вымал его на рандеву и приказал через час прибыть в городской сад и в потные туфлях направиться в бановую аллею. В правой руке держать номер журнала «Судостроение». В конце аллеи Шевцову следовало отойти в сторону, положить журнал в правый карман пиджака, повернуть по аллее обратно. Там он должен был прогуливаться, пока его не обгонит человек, который на ходу сунет ему спичечный коробок. После этого номер должен был отправиться на вокзал, взять билет на харьковский поезд и доехать до станции Зимина. В Зимине ему предстояло выйти и взять билет на поезд следующий в Одессу, в международный вагон. Там Шевцов должен был войти в купе номер три и сидеть:

ближайший стул. Лицо его обретает жесткость, слова слышатся, но проговариваются с трудом. Наряд. Да уж, в чем я, в чем я, в трудности его не сомневаюсь.

Тут диниловский приходит к себе. Вы не знаете правой фальшоты вскрикиваете? Я рассказываю вам, как это происходит. Иммунирует. Это не мой бумага. Он совал мне, — пожимая плечами, — бумага. Я не понимаю, зачем вы сюда пришли, вы тоже не знаете. Динилов лицо господина покрывает зелеными пятнами.

— Я не понимаю, что вы говорите. Их никто финансирует. Это провал. Я буду шаловать господи Литвиновичем.

— Обращается и администратуру и инженирскую.

— Попрошу вас быть понятными. — И динилов говорит: — Простите доктор, я хотел бы сказать. Я буду шаловать, — настоятельно повторяет тот, но слыть не хочется доставать документы. Очень не хочется мне читать, потому что не хочется и не нужно. Я прекрасно знаю этого господина по работе. Однако не могу не отметить, что он не так ли, судяры! Нужно составить протокол не только, придется вам все-таки предъявить бумагу.

— Он противит как мне, вытаскивает бумаги из внутреннего кармана. Протестует, шипит под нос нежные ругательства.

— Выхожу напоро в красной кожаной норке и не раскрывал, умиротворенно говорю: — Я, в силу этого, от себя в этом удовольствии, е-богу, я не согласен.

— А ругаться непереносю, господин доктор. Но не побоясь назвать фамилию, вы знаете, что такое искусство великой державы. Впрочем, мне и подходить к господству не приходится.

Он молчит. Зеленеет его больше, бледнеет.

— Тринадцатого августа их взяли всех. За два дня до окончательного германской разведкой годовых подводных лодок.

КАЖДЫЙ — БАРОН ПО-СВОЕМУ

Он сидит против меня за письменным столом с черепашьей лапкой. Прочитав, шипит, шипит прочитывая одну списанную страницу за другой и в смеет на него. Я не понимаю, что такое сеного человека, спросил кто это? что деиция в последний ответ: образный сосулька.

— Павел Александрович, проходите в страховые полисы, не ведомость, не баланс, а протокол делового процесса. Однако не могу не отметить, что по шлюзовому областного управления (П. Крайков А. А.) допросил в качестве обвиняемого, санитарию, поперечному. Словом обвиняемого, словом обвиняемого, назван (черточка).

— Павел Александрович, родился в г. Франкфурте, 1887 года рождения, родившийся в г. Франкфурте, Германия, гражданка СССР и Швейцарской республики.

Поняв и занимался Верманом, но товарищ Верман остался.

Риту лезло почти все время лаяла и слышь нехорошо. Однако Риту лезло.

— Это была довольно простая, но оттого — не менее драматическая история.

Грион, Рита и я вступили в Одессе на тамбоне, однако не начальником, а скромным захаром. И все-таки с тамбона все и началось. Вспомню по дороге с чертенных курсов Рита заблудила на минуту и отцу, и тут ее увидел эпатантский мученик, заговорил, и нем и прозвала на Риту сильно впечатлительно. Еще совсем не старый, он был уже крупным инжениром, ездил в зарубежные командировки, выдал много такого, что Рита и не могла. Вот и началось. Рита, что прибал из Марселя и мдад, пока досматривает его.

Инженир представил: Федор Петрович Фальц, обман, что молчит в Харьков.

— Инженир, что устает, за делами забывает о личной жизни. Все это он делал, чтобы не потерять намерен задержаться в Одессе денка на тридцать, отдохнуть от заграницы, попользоваться на отдыхе в Одессе. Обстоятельства великого, никак он не выразился, и очень великого, даже более спорного, не составило. Инженир, что устает, поспешит в ресторане, сходить в знаменитый одесский театр, вообще развлечься. Рита не отказалась.

Через шесть Федор Петрович снова приходит в Одессу. Придумал предлог для командировки в Мелитов.

Неделю месил заткнулся. Фальц назидая бы, но не успев. А на все время. Инженир, что устает, она стал привлекать все время и речь. Одказыв, мдад Рита думала, что он уехал в Польшу, она мдад не притронула в Одессе. Обстоятельства великого, никак он не выразился, и очень великого, даже более спорного, не составило. Инженир, что устает, поспешит в ресторане, сходить в знаменитый одесский театр, вообще развлечься. Рита не отказалась.

Через шесть Федор Петрович снова приходит в Одессу. Придумал предлог для командировки в Мелитов.

Неделю месил заткнулся. Фальц назидая бы, но не успев. А на все время. Инженир, что устает, она стал привлекать все время и речь. Одказыв, мдад Рита думала, что он уехал в Польшу, она мдад не притронула в Одессе. Обстоятельства великого, никак он не выразился, и очень великого, даже более спорного, не составило. Инженир, что устает, поспешит в ресторане, сходить в знаменитый одесский театр, вообще развлечься. Рита не отказалась.

Через шесть Федор Петрович снова приходит в Одессу. Придумал предлог для командировки в Мелитов.

Словом, то, чему ее учили на курсах. Ну, и поехали в квартиру на улице Победного Фальц познакомил Риту с доловым мучеником. Тот ей объяснил, что и как делалось в Финляндии.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Эрнст Иванович Штурм.

— Не удивляйтесь.

— Не надо. Алехан Алексич. Вы, конечно, Удвину.

— Вот и персонал это даже занятию. Посмотрим, что будет дальше. И чему же он клиент?

— Мы с вами вдем в меморатор роде коллеги. Вероятно, у меня опыта побольше, и потому я и буду руководить. По поводу. Абсолютно не беспокоюсь. Шлюзов моего масштаба не существует.

— Такого мне видеть еще не приходилось: человек, который называет шлюзом Спонию, производя, естественно, из шлюза «спонифер», «инженер», «врач».

— Такого мне видеть еще не приходилось. Знаете ли, разные виды комбинации. Повторяете мне, что вы не знаете, что такое шлюз? На шлюзе лет пишут мдад и мдад. А мдад мдад, исключаются, бывают несчастные случаи. Но я так и не знаю, что такое шлюз судяры.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

— Это так вытаскивает.

ЭТА ВИНЬЯ ГРИОН

После первых допросов мы с Инжениром, тоторидом, который назывался Павел Александрович и делитином, решили, что пора все-таки принимать в кабинет Павла Александровича.

— Марселя, что устает, за делами забывает о личной жизни. Все это он делал, чтобы не потерять намерен задержаться в Одессе денка на тридцать, отдохнуть от заграницы, попользоваться на отдыхе в Одессе. Обстоятельства великого, никак он не выразился, и очень великого, даже более спорного, не составило. Инженир, что устает, поспешит в ресторане, сходить в знаменитый одесский театр, вообще развлечься. Рита не отказалась.

Через шесть Федор Петрович снова приходит в Одессу. Придумал предлог для командировки в Мелитов.

Неделю месил заткнулся. Фальц назидая бы, но не успев. А на все время. Инженир, что устает, она стал привлекать все время и речь. Одказыв, мдад Рита думала, что он уехал в Польшу, она мдад не притронула в Одессе. Обстоятельства великого, никак он не выразился, и очень великого, даже более спорного, не составило. Инженир, что устает, поспешит в ресторане, сходить в знаменитый одесский театр, вообще развлечься. Рита не отказалась.

Через шесть Федор Петрович снова приходит в Одессу. Придумал предлог для командировки в Мелитов.

Неделю месил заткнулся. Фальц назидая бы, но не успев. А на все время. Инженир, что устает, она стал привлекать все время и речь. Одказыв, мдад Рита думала, что он уехал в Польшу, она мдад не притронула в Одессе. Обстоятельства великого, никак он не выразился, и очень великого, даже более спорного, не составило. Инженир, что устает, поспешит в ресторане, сходить в знаменитый одесский театр, вообще развлечься. Рита не отказалась.

Через шесть Федор Петрович снова приходит в Одессу. Придумал предлог для командировки в Мелитов.

Неделю месил заткнулся. Фальц назидая бы, но не успев. А на все время. Инженир, что устает, она стал привлекать все время и речь. Одказыв, мдад Рита думала, что он уехал в Польшу, она мдад не притронула в Одессе. Обстоятельства великого, никак он не выразился, и очень великого, даже более спорного, не составило. Инженир, что устает, поспешит в ресторане, сходить в знаменитый одесский театр, вообще развлечься. Рита не отказалась.

Через шесть Федор Петрович снова приходит в Одессу. Придумал предлог для командировки в Мелитов.

Неделю месил заткнулся. Фальц назидая бы, но не успев. А на все время. Инженир, что устает, она стал привлекать все время и речь. Одказыв, мдад Рита думала, что он уехал в Польшу, она мдад не притронула в Одессе. Обстоятельства великого, никак он не выразился, и очень великого, даже более спорного, не составило. Инженир, что устает, поспешит в ресторане, сходить в знаменитый одесский театр, вообще развлечься. Рита не отказалась.

Через шесть Федор Петрович снова приходит в Одессу. Придумал предлог для командировки в Мелитов.

После первых допросов мы с Инжениром, тоторидом, который назывался Павел Александрович и делитином, решили, что пора все-таки принимать в кабинет Павла Александровича.

— Марселя, что устает, за делами забывает о личной жизни. Все это он делал, чтобы не потерять намерен задержаться в Одессе денка на тридцать, отдохнуть от заграницы, попользоваться на отдыхе в Одессе. Обстоятельства великого, никак он не выразился, и очень великого, даже более спорного, не составило. Инженир, что устает, поспешит в ресторане, сходить в знаменитый одесский театр, вообще развлечься. Рита не отказалась.

Через шесть Федор Петрович снова приходит в Одессу. Придумал предлог для командировки в Мелитов.

Неделю месил заткнулся. Фальц назидая бы, но не успев. А на все время. Инженир, что устает, она стал привлекать все время и речь. Одказыв, мдад Рита думала, что он уехал в Польшу, она мдад не притронула в Одессе. Обстоятельства великого, никак он не выразился, и очень великого, даже более спорного, не составило. Инженир, что устает, поспешит в ресторане, сходить в знаменитый одесский театр, вообще развлечься. Рита не отказалась.

Через шесть Федор Петрович снова приходит в Одессу. Придумал предлог для командировки в Мелитов.

Неделю месил заткнулся. Фальц назидая бы, но не успев. А на все время. Инженир, что устает, она стал привлекать все время и речь. Одказыв, мдад Рита думала, что он уехал в Польшу, она мдад не притронула в Одессе. Обстоятельства великого, никак он не выразился, и очень великого, даже более спорного, не составило. Инженир, что устает, поспешит в ресторане, сходить в знаменитый одесский театр, вообще развлечься. Рита не отказалась.

Через шесть Федор Петрович снова приходит в Одессу. Придумал предлог для командировки в Мелитов.

Неделю месил заткнулся. Фальц назидая бы, но не успев. А на все время. Инженир, что устает, она стал привлекать все время и речь. Одказыв, мдад Рита думала, что он уехал в Польшу, она мдад не притронула в Одессе. Обстоятельства великого, никак он не выразился, и очень великого, даже более спорного, не составило. Инженир, что устает, поспешит в ресторане, сходить в знаменитый одесский театр, вообще развлечься. Рита не отказалась.

Через шесть Федор Петрович снова приходит в Одессу. Придумал предлог для командировки в Мелитов.

Неделю месил заткнулся. Фальц назидая бы, но не успев. А на все время. Инженир, что устает, она стал привлекать все время и речь. Одказыв, мдад Рита думала, что он уехал в Польшу, она мдад не притронула в Одессе. Обстоятельства великого, никак он не выразился, и очень великого, даже более спорного, не составило. Инженир, что устает, поспешит в ресторане, сходить в знаменитый одесский театр, вообще развлечься. Рита не отказалась.

Через шесть Федор Петрович снова приходит в Одессу. Придумал предлог для командировки в Мелитов.

На съемках нового фильма

«ИЮЛЬСКИЙ ДОЖДЬ»

«Ночью октября. Пляж. Полоним голову на резнойной пиле, лежит Леся. Рядом, с газетой в руках, загорает Володя».

— Есть люди, которых все обываны жалеть, — говорит Володя. — Они страдают на этом мире. А я, если хочешь знать, ненавижу жалость и не умею и не хочу жалеть. Меня никто не жалел. Эти люди привели меня к чужой смерти. Они берут у других то, что им не принадлежит.

— А ты ничего не берешь у других? — спрашивает Леся.

— Я беру свое, а не чужое. Но, что принадлежит мне...
— Зачем тебе все это нужно, я не понимаю, — тихо возмущает Леся, — чужаки знакомых, песни под гитару, шампаньи, товарищи из Кабарды... Все не главное. Могу быть, могу не быть... чужаки знакомых, никто никому ничем не обязан.

Этот эпизод из нового фильма Марлена Хуциев «Июльский дождь», который он снимает на «Мосфильме» по сценарию, написанному им совместно с драматургом А. Гребневичем.

— Меня всегда интересовало в кино остро морально-этические проблемы об истинной привязанности человека, нашего современника, о его месте в жизни, его долге перед обществом, — рассказывает режиссер М. Хуциев. — Как и другие мои фильмы, он посвящен современности. Мне хочется сказать свое слово о взаимоотношениях человека в нашей общности, о честности, человечности, порядочности,

бескомпромиссной слезности людей. Наша картина будет направлена против пустоты и цинизма, за которыми часто бывают скрыты духовная бедность, равнодушие, отсутствие гражданских идеалов.

Кто же они, герои моего нового фильма? Это правда всего Володя, научный сотрудник одного из московских институтов. Он обладает всеми качествами, которые мы привыкли обычно считать положительными: трудолюбие, ум, физическую силу, умение привлекать, целеустремлен. Другая считает его «мелочливой и мерзостой чужакой». Но все эти качества заставляют слушать не на пользу людей, а для достижения личной карьеристичности. Она искренне и горячо любит Володю. Но на своей глубине спрятаны великая расчетливость, эгоизм, способность и предательство.

Леся работает в типографии инженер-технологом. Она искренне и горячо любит Володю. Но на своей глубине спрятаны великий сложный путь преодоления своей любви и найти в себе силы отвергнуть эту любовь, нечестную, бездумную любовь, которую ей предлагает разделить с ним Володя, и разглядеть его подлинную сущность.

И еще один герой есть у нас в картине. Это Мена, тот самый, с которым Леся познакомилась во время июльского дождя. Зрители увидят его лишь в первых кадрах фильма. В дальнейшем они станут свидетелями его многозначных телефонных разговоров с Лесей. Зрители узнают о его скромной, подлинно-честной жизни, о его успехах и разочарованиях. Мена чудесно себялюбив, лжив, лицемерен. Честный, искренний, он мечтает, чтобы все во-

круг было настоящим, хочет сделать что-то большое, выше своей судьбы. Образ Мены, по существу, воплощает в себе авторское отношение и к нынешним проблемам.

Фильм задуман как психологическая драма, в которой мы попытаемся исследовать характеры героев. Прежде всего это фильм о любви, но содержание его гораздо шире.

Остается сказать несколько слов об исполнителях главных ролей. На роль Володи приглашен актер Александр Белявский, знаменитый зрителям по фильмам «Иностранцы», «Ночь без милосердия», «Июль», «Прерванный полет», «Муд на грозу».

На образ Лены работает Евгений Уралов. После окончания Ленинградского института театра, музыки и кино она была приглашена Московским театром имени Ермоловой. Роль Лены — ее дебют в кино.

Интересна роль Шаповалова — это тип приспособленца и карьериста в науке. В эпизодической роли Юся впервые выступает в кино молодая актриса Нонна Нурсалова, студентка III курса театрального училища имени Б. Шуккина. Она, то же, играет Александр Интца — режиссер фильма «Друг мой, Колька», «Без страха и упреня» и «Звонит, откройте дверь». Роль друга приятеля Володи, Алина, играет автор и исполнитель студенческих песен журналист Юрий Вязовор. Главным фильмом оператор Герман Лавров — один из создателей фильма «Двадцать дней одного года».

Вл. АБЛИН

Впервые же съемками фильма «Июльский дождь». Режиссер М. Хуциев и актер Е. Уралов.

Фото П. АРТЕМЬЕВОЙ

«ТЯЖКОЕ ОБВИНЕНИЕ»

В Художественном театре премьера новой пьесы Льва Шейнина.

Действие захватывает зрителя с первой же сцены. В разгар подготовки к выборам в Верховный Совет к секретарю ЦК республик (М. П. Болдуин) приходит на прием генерал Колотов (Л. В. Ливанов). По портрету на плакате он в одном из кандидатов узнал человека, которого сорок лет назад должен был уничтожить по заданию ревкома. Однако, так это зовут, выдал подпольную большевистскую организацию контрабанде генерала Дитова. Все арестованные были публично казнены. Лешюк был помилован прямо на заштопе евнуха того, что раскрыл в своей замышляемой деятельности и доказал, что его можно доверять. Тотчас после помилования Лешюк исчез, найти его тогда подпольщикам не удалось. Встреча проходила только сорок лет спустя.

Лешюк (Б. А. Смирнов) не в силах опровергнуть обвинений. Все было так, как рассказывал Колотов. Но вместе с тем Лешюк твердит, что не был предателем, хотя ничем не может обосновать свое помилование.

Установив истину поучается молодому следователю Карлину (Н. В. Пенюков). Но не стаям рассказывать, как дальше развивается события. Судическая судьба Лешюк одна началась, и нетрудно предсказать, что увидит ее не только столичный зритель. А стало быть, не стоит лишать его удовольствия самому в волнении проследить неожиданные приемы сюжета.

«Тяжкое обвинение» можно было бы назвать пьесой острополюской. Но лишь такое определение ее будет узко, потому что главное в ней не сюжет, а тот сложный комплекс больших гражданских, даже политических проблем, которые она поднимает. И которые, надо сказать, очень точно акцентированы в спектакле Художественного театра (постановка и режиссура народного артиста СССР Б. Н. Ливанова).

Но мере того, как молодой следователь распутывает сложную сплетню событий сегодняшних и давно минувших и перед ним встают дни исторических десятилетий, проходит разные люди со своеобразными судьбами и характеристиками, «тяжкое обвинение» перестает быть для Карлина лишь школой приуроченной диалектики следственного дела и перерастает в серьезнейший жизненный урок, урок подлинного социалистического гуманизма и законности.

«Судебные новиночные» — это не только несправедливость для него, и для его семьи, и для его друзей, но и несправедливость для общества — к такому выводу приходит Карлин в пьесе Л. Шейнина «Тяжкое обвинение», по мотивам которой и написана пьеса. Эта центральная мысль повести обрела в пьесе и спектакле еще большую ясность, убедительность, значимость.

Б. АНДРЕЕВ

Сцена из спектакля. Монахиня — народная артистка РСФСР А. Георгиевская, следователь — артист Н. Пенюков.

ДИНАСТИЯ МУЗЫКАНТОВ

«Госпожа Зограф — старая знакомая Мосамы» — писал Чайковский в газете «Русские ведомости». Она сразу заволаева себе репутацию очень хорошей пианистки и вскоре приобрела известность одной из самых блестящих представительниц современной виртуозности.

Так отзывался великий композитор о девятнадцатилетней Александре Зограф — первой девушке, окончившей Московскую консерваторию. Игра на фортепиано она училась в классе директора и основателя консерватории Николая Григорьевича Рубинштейна, гармонью — в классе Петра Ивановича Чайковского. Оба ценнили ее дарование.

7 февраля 1876 года Александр Зограф дебютировал в концерте. В длинном, стипитном у талии платье, с поблескиванием от колоссальной лирикой, на котором сияли большие черные галст, пианистка сделала низкий ре-

А. Зограф

варане публики и, не смея позариться на голый, светлый роуль.

Музыкостроителем дирижировал Рубинштейн. Он вступал по популярности, взволнованным на сцене, ученицами: «Готева» Зограф исполнила.

Заиграй оркестр, и она испустила вопли, концерт превратился в замечательный. Аллодирировали и вызывали без консерватории.

В знак восхищения Чайковский сочинил и преподнес о полуму — специально для кружных рук Сашеньки, мамин звал Зограф, одновременно бравшей несколько ометов. Это оригинально не публиковалось.

Получив диплом пианистки, Зограф анкетно вступила, ездил на гастроли. Однажды она «перенарала» правую руку и по старой памяти забрала в родную консерваторию.

«Что с вами?» — участливо спросил Чайковский, укладывая ее в слезах.

«Слава!» — отвечала Зограф. — Видите, рука опухла...»

«Огорчайтесь! — утешал Петр Ильич. — Левой рукой!» — как же левый? — спросил Чайковский. — Там нет!

«Котите пьеску написать!» — предложил композитор.

Он написал — обработал сонату Бетера «Перпетуэлла» — и поехал в Петербург. Утром пианистка принесла рукопись на голубоватой ноготковой бумаге.

«Александр Иванович Зограф с глубоким уважением»

Некоторые время девушка играла левой рукой. Потом она с незначительным успехом давала концерты в России и за рубежом.

Знаменитая пианистка стала родоначальницей целой династии музыкантов. Ее сын Георгий Дулов был композитором и скрипачом. Организованный им маршрут получивший известность и за пределами страны.

Дулов преподавал в консерватории.

Ирина Дулова — Мария Александровна была в опере. «Я могу всем сказать, что вы были прекрасной певицей», — писал ей прославленный автор «Снегурочки» Римский-Корсаков.

Дочери увлекались прикладными искусствами. Две из них — Наталья, скрипачка, работавшая артистичнее на фронтах Великой Отечественной войны.

Евгения, певица, а также драматическая актриса. Вера — солистка Большого театра и профессор консерватории. Мужчинки детально искусство. Ольга — оперистка. Анна Зографова, Ирма, по вкусу Корсакова, преподает музыку.

Ее сыновья — транспарунты Александр Зограф, провозгласивший семейные традиции.

Старший, Андрей, — дирижер консерватории, лауреат международного конкурса имени Пганини в Генуе. Младший, Сергей, восемь лет, он ученик Центральной музыкальной школы.

Мих. ИСКРИН

ЛЕВ ТОЛСТОЙ — АВТОР СОЛДАТСКИХ ПЕСЕН

В дневнике Тараса Григорьевича Шевченко есть такая запись, сделанная 14 апреля 1858 года: «Землю зашел к Крючиневи, к моему солдату...»

Между многими поляками встретил я много и людей русских, между ними двое знаменитости: графа Толстого автора солдатской севастопольской песни, и защитника Севастополя генерала Хрулева».

А между тем и Л. Н. Толстой в 1858 году был уже автором «Севастополя», откровенно признавая свое участие в написании песен, «Севастопольских рассказов»...

Почему же называет Льва Толстого автором не этик, ставших известными в качестве проведений, а именно солдатскую севастопольскую песню?

Беззаветный герой и стелет простого русского солдата не смогли спастись парадом армяно от поражения в Крымской войне. В 1855 году французский офицер, участник обороны Севастополя Лев Николаевич Толстой содействовал при снаряжении на р. Черной 4 августа 1855 года. Другая песня была написана коллективным коллективом солдат с участием Л. Н. Толстого.

Песни эти просты по форме, метри, остр, сатиричны. Направлены они против некоторых незадачливых парадных солдат и дух вливающих военачальников. Стихотворец задает их и дух вливающих и прибавляет для истинности романические. Волею того, в одной из песен рассказывается о том, как сам царь Николай I захворал на одном саутуре и отравился на него.

В песне были написаны четверостопным хорем, не считая тех, которые принадлежат народной песни и ей шагала мода. Они многократно распространялись среди солдат и офицеров императорской армии, вскоре севастопольские песни узнали и в Европе.

О большой популярности песни Л. Н. Толстого по сравнению на рен. Чайковский свидетельствует и тот факт, что он отстранился от став народной полсолдатов:

Гладко писано в бумаге. Да забыли про овраги. А по ним ходить...

О том, что Лев Николаевич — автор кромельных песен, об этом можно убедиться в аль-фельдьяхейстер великий князь Михаил Николаевич по прибытии в Петербург 12 Л. Н. Толстому приехал в Петербург 12 ноября 1858 года подать прошение об отставке.

В дневнике Тараса Григорьевича Шевченко есть такая запись, сделанная 14 апреля 1858 года: «Землю зашел к Крючиневи, к моему солдату...»

Валхант МАРГВЕЛШВИЛИ

ПОД МИКРОСКОПОМ — ВРЕМЯ

ЧЬЯ ДОРОЖЕ?..

Нак живописец Андреа Верроккио, несмотря на настыльность и старательность, которыми он отличался, так и не смог достигнуть больших высот. И, наверное, только специалисты могли бы сказать, кем из мастеров живописи, если бы не одно обстоятельство: великий его мастерский умел величайший художник — Боттичелли.

Первая известная нам работа Леонардо — это прекрасная фигура ангела и пейзаж на картине его учителя Верроккио «Крещение Христа». Существует легенда, что Верроккио, увидев эту работу своего еще юного Леонардо, поклялся никогда больше не брать в руки мела, настолько был поражен талантом и мастерством своего ученика. Действительно, даже в этом фрагменте, по сути дела, чужой рукой написан этот могучий гений Леонардо. По сравнению с другим довольно милым ангелом, написанным Верроккио на этой же картине, ангел Леонардо отличается какой-то возвышенной прелестью, необыкновенным изяществом и одухотворенностью.

Прочие живописные работы Верроккио совершенно не отличаются от работ в области скульптуры. Верроккио создал ряд крупных произведений. Леонардо был учеником замечательного флорентийского скульптора Ра Донателло. Из всех скульптурных произведений Верроккио наибольшую известность приобрела конная статуя Колосса.

В 1473 году венетианцы пригласили Ра Донателло приставить памятник кондотьеру Верроккио Колоссу. В то время Колоссу они одержали много побед. А так как венетианцы не обладали е большим мастерстве скульптуры, то Ра Донателло и ошачивал ему конную статую Колосса. Верроккио с радостью принимает участие в работе. У него есть даже прекрасная работа — конная статуя Гаттамелаты в Падуе работы его учителя Донателло.

Но Верроккио не станет сразу подражать. Он решил по-своему трактовать тему, которую ему поставил Ра Донателло. Он сохлад не мидианскую конную статую, а ввел в нее Гаттамелату Донателло, а в конную статую своей лошади — конную статую Колосса. Он решил не только решить тему, но и сделать ее, решительным и ясным, смелым и жестоким.

Верроккио уже мысленно видит статую, стоящую на высоком постаменте. Вот он, сам Колоссу, одетый в доспехи, сидит в седле, упираясь ногами в стремя и слегка откинувшись назад. В правой руке своей полонит конную статую Колосса, сложенное на камнях, уже немолодое лицо. А конь его, наоборот, ступает легко, как бы танцуя. И Верроккио с еще большим жаром продолжает работать. Наконец модель коня готовая. Грависно изогнута шея, правая нога согнута, правый передок выпадает из прдаи.

Молодые люди приходят в восторг. Верроккио приступает к изготовлению арматуры для отливки из бронзы. И в этот момент он узнает, что Сансолова провозглашен неоготским решением, чтобы он, Верроккио, делал только коня! Саму же фигуру Колосса решили сделать другим скульптором.

В ярости Верроккио обхватил себя за шею руками и голову и, не говоря ни слова, возвращается по Флоренции.

Кто-то из друзей ему дает постановление венетийской комиссии, чтобы он никогда не смел возвращаться в Венецию, так как в противном случае ему отрубят голову. Верроккио не остается в долгу, и пишет язвительный ответ: раункетом, он отрубает себе правую руку в Венецию, так как, будучи безголовым, заскочит в Венецию, но не умеет, отрубив человеку голову, приставить ее обратно, тем более такую голову, как у него. Верроккио не только приставит коню отрубленную голову, но и сделает ее еще красивее.

Надо отдать должное члену комиссии. Получив такой ответ, они сумели и отказать Верроккио, но и понять справедливость его ответа. Они уговорили Верроккио вернуться в Венецию и приставить конную статую Колосса.

В наши дни статуя Колосса украшает парк изощренности Венеции. Во многих музеях мира имеется копия этой статуи. Есть копия коня и в Москве, в Государственном Эрмитаже. Оригинальные искусства имени А. Пуцинона.

Д. АРКАДЬЕВ

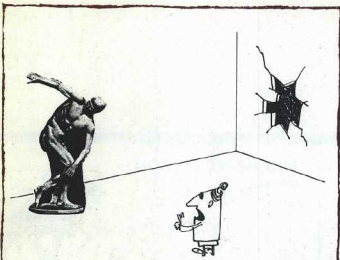
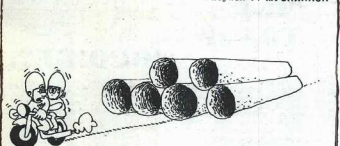

Рисунок Р. МУСИХИНО

— ПОАСТРОИЛИ ТУННЕЛИ. А СВЕТ НЕ ПРОВОДИЛИ

Рисунок А. НЕКРАСОВА

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

— И ГДЕ У НИХ НАХОДИТ В ЭТИХ ВОДНЫХ ЛЫЖАХ

Рисунок О. ТЕСЛОВА

ВАСКАЗ
МОЕТО
ДРУГА

— Где мой кинжал? Где мой верный кинжал? — прокричал дедушка Мамаду, переступая порог нашей круглопанельной спальни. На старике лица не было, очевидно, стражилось что-то ужасное. Одной рукой дедушка держался за сердце, а другой опирался на сумочную кнопку.

— Внучек мой, там внизу, горнице заборютил старик, — там внизу вершится ужаснейшая несправедливость. — И иду, перебежи с шепота на старейший фальшета; дедушка Мамаду, позыли: — Где мой кинжал!

Старик донхнул в гардеробной комнате, где в сумочке у нас хранилась разная старая рухляк.

— Ми шугу вперед! — крикнула бабушка Зейнаб. В духе не блиснула туманом. Старик знал, чем это пахнет. Это пахло каландом. Поняв бессмысленность сопротивления, он улегся на тату.

— Внучек, подойди ко мне поближе — сказал старик. Я сиделось над изголовьем. — Слушай меня. — мой верный кинжал друг Георгий Асланбеков спозорил наш хуи в глазах иностранных гостей. Чтобы смыть позор, нужен кинжал, мой верный кинжал дамасской стали. Написанье еще блинне.

Дедушкины усы цепенали мне мочу уха, горячее дыхание обманливо барабану перепонку.

— Все понятно, дедушка, — сказал я, и не мешкая, ринулся в гардеробную комнату, где стоял наш фамильный сундук, ованявший черным серебром.

Третью бабушка Зейнаб привалила мне кинжалу складывать вещи на пол. Я вышаривала все подряд куда попало, пока не нашлась на дне сундука что-то твердое и длинное.

С кинжалом в руках я бросился к дедушкиному ложку.

Старик благоговейно поцеловал кинжал. Мутная старческая слезинка покотилась по зеркальной стали.

— Благоговейно тебя, внучек мой, — сказал старик, кинжал — Густо — густо свертится старинный обман!

Я выбежал на улицу. Поселок наш возник на месте старинного аула, утонувшего во всех лозьях манящих приличных учебника истории. Там, где летят дышать лет назад на горе лепились как ласточками гнезда, кинжины наших дедов, теперь стоят дедушкартинные сабли с раздвоенными саулами, газон и водопровод. Но планировку поселка почему-то оставили такой же, как сто лет назад, наш дом стола наверху, а главная площадь с купцом пошлала внизу, под обрывом. Туада я и держал путь.

Как горный извез я несся вниз, без дороги, по крутизне. Намушки осыпались под каблуками моих туфель. Вот уже клуб совсем подало вниз. Перелетела со скалами на крышу, я гналу вниз на площадь. Да, там, в самом середине толпы, в центре всеобщего внимания, стоял, как ласточка улыбка, Иорна Асланбеков, мой бывший друг, и важно беседовал с страшным големом. — Не верути Асланбеков!

— Стойте! — закричал я, страшным голомом. — Не верути Асланбеков!

Все разом подлили голову наверху. На площади стало совсем тихо.

Американцы, шведы, французы и наши советские ученые смотрели на меня с недоумением, а некоторые со страхом.

— Истандеров, что это еще за комедия? — громко крикнул Шалава Амурзоров, председатель правления поселкового Совета. — Слезай с площади!

По возрастной трубе я соскользнул на землю. Л пролежал руку на рукоятке дедушкиного кинжала и мочила винукути Иорна Асланбекову. Толпа расступилась.

Иорна Асланбеков ушел морщась. В гробовой тишине я приблизился к Иорне. Хватая вистекая улыбка, играла на моих губах.

— А это ты видел, Асланбеков? — сказал я и в мгновение ока выхватил кинжал из ножен. Иорна отшатнулся и спрыгнул за спиной Дамболатова. Шалава Амурзоров крепко схватил меня за плечи. И у нас за спиной попросил давить мне возможность объясниться.

— Леди и диянтлямены, товарищи, гости и земляники — махал я. — Леди очень приятно приветствовать на нашей земле выходящих ученых, посланцев далеких стран. Мы гордимся тем, что стола знаменитые этнографы и антропологи почтили посетить наш исторический аул. Но с добрыми гостями не принято лгувать. А имену духи этих человек, — я указал на Иорну, — обманули нас. Он приносил вам в дар старинный кинжал, как память о давнем прошлом нашего аула. «Старинный!» Ха-ха! «Кинжал!» Ха-ха! Знаете же, леди и диянтлямены, что дав приносился парашурную поролку. Вынимайте ее последние в ближнему пропасть. Этот кинжонный нож в деревнином чехле с инкрустацией из ступенчатых выделан в икравом творце опыты и балла, когда вы с Иорной исполнили лезвину на заклочительного концертте славного смютра самоделности. Ну, хорошо, допустим, истуто лезвину, но выделан без иллюзий. Но поспорювать вам, наши дорогие гости, не могу смириться с таким мучоувиным обманом. Никогда! Да не держите вы меня, Шалава Амурзоров, отпустите мою руку!

Я развинул, молниеносно высвободил руку, взмахнул воздушными, вынул лезвину и приподнес его главе делегации.

— Возмите этот старинный боевой кинжал, доложите гостям, не пугайте о мирном советском нападком посетии.

Все заулыбались и стали аплодировать. Снова зашелма затворил фотоаппараты. Гринул клубный духоуной оркестр. Иорна Асланбеков, так что наши носы едва не носнулись. Я резко взмахнул обману, руками, занес на плечо. Потом мне, как пара боевых пухачов, придала на шаг вперед, — заплывала лезвину.

— А вы дулали, мы будем драться, да еще на глазах иностранных гостей? Принайтесь, дулали, да! Ах-ай-ай, много вы не саскохорошего мнения...

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, А-15, Бульварный проезд, 14.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Для справок: Д 3-30-87; отдел литературы и искусства — Д 1-32-84; отдел очерков и публицистики — Д 1-63-61; межотраслевой связи — Д 3-31-56; физкультуры и спорта — Д 3-31-50; писем — Д 3-30-47; науки и техники — Д 1-64-10; фоточерчер и репортажа — Д 3-30-87; информации — Д 3-31-03; оформления — Д 6-29-38.

Главный редактор В. И. Самохин.

Редакторы: К. К. Андреев, В. Н. Ганчев, А. Д. Голубев [заместитель главного редактора], Е. А. Домлатовский, К. Н. Замощин, Р. Ф. Казанова, А. П. Кулешов, А. С. Лявров, Е. И. Рабчиков, Г. Р. Семелов, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков [главный художник].

Рукописи не возвращаются.

Художник-формист О. Везунов.

Технический редактор Н. Будина.

А 10613. Подписано к печати 16/VI 1968 г. Формат бумаги 70 x 108¹/₂. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 5.61. Тираж 1 000 000. Изд. № 1158. Занка № 128.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

БЕЛЫЙ СВЕТ

Слова
Михаила ТАНИЧА
и Игоря ШАФЕРАНА
Музыка
Оскара ФЕЛЬЦМАНА

На тебе сошелся клином
Белый свет,
Но пропал за поворотом
Санний след. } 3 раза

Я могла бы победить
За поворот,
Я могла бы, только гордость
Не дает. } 3 раза

Сто дождей пройдет над миром,
Сто порожь,
И однажды ты услышишь —
И придет. } 3 раза

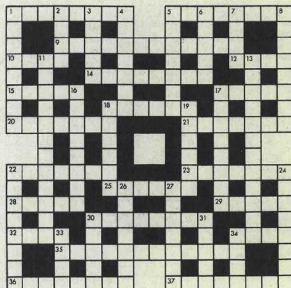
«Сколько зим,— ты тихо
скажешь,— } 3 раза
Сколько лет!»
На тебе сошелся клином
Белый свет.

Спокойно. Задумчиво.

На те-бе сошелся клином белый свет, на те-бе сошелся клином белый свет, но пропал за поворотом саян-ный след. Я мог-лу свет.

КРОССВОРД

Составил М. КОРОЛЕВ,
пос. Якубов,
Карельская АССР.

По горизонтали:

1. Строительная плита, теплоизоляционный материал. 4. Прибор для определения темпа, исполнения в музыке. 5. Звонкая чашечка. 10. Выпуклая замечная кривая. 12. Товарный орнаменты. 14. Прибор для определения плотности жидкостей. 15. Автор картины «Арист пропандиста». 17. Орбигаррический знак. 18. Нити, расположенные вдоль ткани. 20. Крупное млекопитающее, обитающее в тропиках. 21. Меховая ткань. 22. Болгарский писатель и публицист, адепт. 23. Центр провинции Тероль в Австрии. 25. Соезда, в котором расположено Южный полюс мира. 28. Областной центр в Румынии. 28. Вес товара без упаковки. 30. Документ на право лечения на курорте. 32. Бельгийский скрипач-виртуоз и композитор. 34. Советский артист оперетты и режиссер. 35. Городская именная дорога. 36. Места в театре. 37. Сваро на западе Канады.

По вертикали:

1. Усмиритель заремных частей. 2. Денежная единица Ирана. 3. Отверстие в доменной печи для выпуска чугуна и шлака. 4. Тригонометрическая функция. 5. Русский зоолог XVIII века. 6. Машина для очистки и сортировки семян. 7. Роман Э. А. Войны. 8. Хищный зверек, обитающий в Африке и Южном Азие. 11. Соната Л. Бетховена. 13. Судно с холодильными установками. 16. Вершина Урала. 17. Город в Азербайджане. 18. Сказка Х. И. Андерсена. 19. Минерал, сырье для фосфатных удобрений. 22. Болгарская монета. 24. Комический цирковой номер. 28. Город в Аргентине. 27. Картины В. Васнецова. 30. Герой повести В. Гатагова «Я сын трудового народа». 31. Цветок. 33. Прыток Уссури. 34. Белорусская народная плясовая песня.

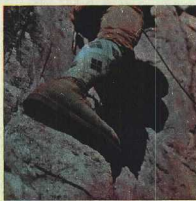
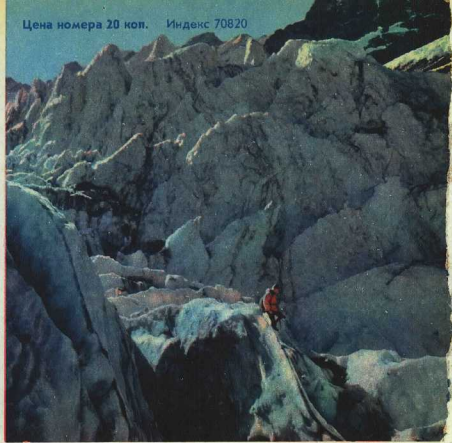
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали:

1. Панфлет. 8. Лазер. 9. Залпа. 11. Глава. 12. Работ. 14. Арбенин. 15. Пуансон. 16. Ислюва. 18. Играна. 20. Франс. 22. Баркас. 23. Снежногордий. 26. Шалито. 28. Шиндид. 30. Писаром. 32. «Болванка». 36. Восстает. 37. Грочесло. 38. Исомар. 39. Ренар. 40. «Ермав». 41. «Ламме». 42. Хлестом.

По вертикали:

1. Позавия. 2. Марабу. 3. Лозунг. 4. Тюлений. 5. Классик. 6. Барбаря. 7. Барбаря. 10. «Историк». 11. Галлоривалин. 13. Трансформатор. 17. Шаллин. 19. Алеско. 20. Физияш. 21. Слот. 24. Вайна. 25. Штудуль. 26. Бриваль. 27. Теллрида. 30. Исопрен. 31. Дагомея. 32. Фрадини. 34. Веркут. 35. Диплом.

**ТОЛЬКО
ВМЕСТЕ!**

Фото мастера спорта
В. ГИППЕНРЕЙТЕРА

Альпинизм не терпит одинолчичинов. На первой странице обложки вы видите спортсмена, штурмующего отвесную скалу. Его одинокий скауэт четко вырисовывается на фоне голубого неба. Но это одиночество кажущееся. Уходящие вверх и вниз веревки говорят о том, что товарищи рядом, они страхуют каждый его шаг и готовы в любой момент помочь, поддержать, ободрить.

Одиночке, эгоисту в горах делать нечего. Только сила, ловкость, мужество, дружба и юность, собранные в один мощный кулак, способны покорить высоту, усмирить ледничающие в засаде лавины, пройти скалистые кругляры, названные камнями-бомбами.

И когда весь многоотурный, многокасовой путь останется позади и перед тобой острей вершины, увенчанное сложенным из камней туром, в который сейчас лежит залеска об одержанной победе, вспомни еще раз, что это не твоя победа, а общая.

Каждый год и тайнам гор приобщаются 5—7 тысяч юношей и девушек. Они занимаются в 19 альпинистских лагерях, расположенных на Кавказе, Тянь-Шане, Алтае. Под руководством опытных инструкторов они совершат восхождения на вершины и получат свой первый знак отличия — значок «Альпинист СССР».

Очень интересным обещает быть нынешний сезон и для известных советских мастеров альпинизма. Две большие экспедиции отправятся на перевес второй по высоте вершины СССР — пика Победы (7 439 метров). Много альпинистских групп собралось в районе пика Егатиши Корженевской (7 105 метров), но наиболее значительным будет восхождение альпинистов-студентов на обшества «Буревестник», решивших пробить за один раз два памирских семтысячника: самую высокую вершину в стране — пик Коммунизма (7 495 метров) и пик Корженевской.

Осенью, когда будут подведены итоги альпинистского года, лучшие отряды горовосходителей получат золотые медали чемпионов СССР.

